ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ

СОЧИНИТЕЛЯ.

О басняхъ сихъ не могу я ничего сказать читателю, какъ только что ожидаю, понравятся ли онѣ знатокамъ, или нѣтъ. Первое почту я за величайшее награжденіе, какого мнѣ только за труды мои желать можно, а послѣднее за величайшее наказаніе, кое истребитъ изъ мыслей моихъ дер-

зновенїе преподавать свѣту впредь ба-
снями наставленїе, или дѣлать ему
тѣмъ забаву.

БАСНИ
И
СКАЗКИ

Сочиненія

Г. ГЕЛЛЕРТА.

Часть II.

Перевелъ съ Нѣмецкаго на Россійскій языкъ

М. Матинской.

Вторымъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

При Императорской Академіи Наукъ.

1788 года.

I.

Двѣ ласточки.

Двѣ ласточки пѣли одна передъ другою въ запуски съ такою прилѣжностію, что когда одна изъ нихъ заслуживала пѣніемъ своимъ преимущество, то въ тожъ время и другая достойна была похвалы. Жаворонокъ къ нимъ прилетаетъ. Ему надлежало рѣшить ихъ споръ, и онѣ обѣ охотно въ томъ согласились. Дѣло состояло въ томъ: скажи, говорили онѣ, которая изъ насъ имѣетъ болѣе въ пѣсняхъ своихъ совершенства? Жаворонокъ сказалъ имъ съ учтивостію, что онъ въ ето дѣло не мѣшается, и посмотрѣвъ на нихъ съ жалостнымъ видомъ, хотѣлъ подняться на свою высоту; однакожъ принудили онѣ его сдѣлать рѣшеніе. Когда уже такъ, сказалъ онъ имъ, такъ я вамъ признаюсь, что поете вы одна другой не лучше, и какъ бы вы съ крику не надсѣдались, однакожъ ни одна изъ васъ искусно пѣть не умѣетъ. Ежели кто слыхалъ пѣсни сладкогласнаго соловья, тому ваши приятны быть не могутъ.

* * *

О естьли бы мы васъ, посредственные писатели, помирить могли между собою! Вы ссоритесь, кто изъ васъ разумнѣе другаго? Оставьте вашъ споръ. Мы не желаемъ ни одно-

го изъ васъ опечалить; ибо каждой столь же искусенъ, какъ и другой, и ни одинъ не имѣетъ преизящества. О вы врали! Перестаньте спорить о дарованiяхъ высокомысленнаго краснорѣчiя. Пока не выйдутъ Мосгеймы изъ нашей памяти, то легко можно видѣть, что вы не иное что, какъ только краснорѣчивые младенцы. О глубокомысленные писцы! пребудьте въ покоѣ, и не спорьте о высокихъ вашихъ дарованiяхъ. Хотя каждой изъ васъ столь же остроумныя приводитъ доказательства, какъ и другой, но пока Лейбницы пребудутъ въ нашей памяти, то никто на васъ взирать не будетъ. Оставьте ваши споры о Фебовыхъ дарахъ, вы стихокропающiе пѣвцы времянъ нашихъ! Вы возпѣваете съ одинакою способностiю; но пока имѣемъ мы еще съ собою Гагедорновъ, то труды ваши и на умъ намъ не приходятъ.

II. НЕСЧАСТIЕ ЖЕНЪ.

Въ нѣкоторой городъ, находящiйся въ Грецiи, ворвался разпаленный свирѣпостiю неприятель. Онъ хотѣлъ въ бѣшенствѣ своемъ перерубить всѣхъ гражданъ до послѣдняго. О небо! какой подняли жалостной крикъ толпы отъ ужасу поблѣднѣвшихъ женщинъ! Представь себѣ, какой крикъ тысяча женщинъ про-

известь могутъ! Я дрожу, когда только закричатъ двѣ.

Онѣ бѣжали всѣ разтрепавъ волосы, заплакавъ глаза, ломали свои руки, и бросившись отъ ужасу полумертвы предъ варварскаго полководца, просили его единогласно даровать жизнїю мужей ихъ. Такъ не было изъ тысячи ни одной такой женщины, которая бы не желала мужа своего сбыть съ рукъ? Нѣтъ. Ну, ето диковинка; по етому надобно не отмѣнно думать, что были еще тогда хорошїя времена.

Сколь полководецъ сей жестокъ ни былъ, однакожъ не могъ противустоять чародѣйственной прозбѣ сихъ женщинъ. Кого не можетъ привесть женщина слезами своими къ сожалѣнїю, какъ бы онъ жестокосердъ ни былъ? При ихъ словахъ сердце мое трепетать начинаетъ. Я не желаю быть такимъ начальникомъ, которому бы великое множество женщинъ съ толь печальнымъ видомъ предстояло; я бы заплакалъ на нихъ глядя и самъ какъ ребенокъ, и даровавъ жизнїю ихъ мужей отдалъ бы для успокоенїя каждой женѣ ея мужа, и еще бы прибавилъ одного, естлибъ онѣ попросили.

Однакожъ предводитель сей таковъ снисходителенъ не былъ. Красавицы! сказалъ онъ имъ. Какъ? Я не думаю, чтобъ онъ красавицами ихъ назвалъ. Суровой полководецъ

не станетъ говоритъ съ такою ласкою. Для чего тебѣ надъ такою безделицею ломать голову? Довольно того, что онъ такъ сказалъ. Старому сему Генералу, кажется мнѣ, не безъизвѣстно, что женщинъ завсегда красавицами называть можно: хороши ли онѣ или дурны.

Красавицы! сказалъ имъ полководецъ, я дарую жизнїю мужей вашихъ съ тѣмъ, чтобъ каждая изъ васъ для изкупленїя своего мужа принесла мнѣ всѣ свои драгоцѣнные каменья; а ежели которая хотя одну утаитъ вещь, то лишится его предъ сеюжъ палаткою.

Что, не начали ли женщины сїи дрожать? Возможно ли отдать все свое украшенїе, столь драгоцѣнныя вещи, за одного только мужа? Въ самомъ дѣлѣ полководецъ сей былъ тираннъ. Что пользы въ томъ, что онъ назвалъ ихъ красавицами, а при томъ красавицъ сихъ совсѣмъ ограбилъ? Однакожъ ни одна не пришла отъ того въ унынїе, и каждая принесла съ радостїю свои уборы. Полководецъ не былъ еще симъ доволенъ: онъ по тѣхъ поръ не отпустилъ ихъ мужей, пока не принудилъ сихъ женщинъ присягнуть, (ибо онъ былъ женатъ и самъ) чтобъ не попрекали онѣ мужьямъ симъ благодѣянїемъ, и чтобъ не требовали отъ нихъ новыхъ уборовъ. Послѣ сего получила каждая жена своего мужа.

Какое же почувствовали они тогда сладкое удовольствїе! Въ какое пришли восхищенїе! Тщетно стараюсь и изъяснить, съ какою горячностїю приняла жена своего мужа! и съ какими ненасытными взорами устремляла она на него глаза свои!

Неприятель оставилъ сей городъ. Жены потерявъ его изъ виду, возвратились каждая съ мужемъ въ свой домъ. Уже ли окончилась сїя повѣсть? Нѣтъ еще. Спустя нѣсколько дней пришли женщины сїи въ унынїе; всѣ запечалились, но не смѣли сказать: отъ чего. Кто осмѣлится нарушить присягу? Довольно того, что печаль овладѣла ихъ сердцами. Онѣ слегли въ постелю, и по прошествїи десяти дней возгнушаясь и скучивъ жизнїю, переселилось ихъ на тотъ свѣтъ девять сотъ. Старой ты и лихой полководецъ!

III. Умирающїй отецъ.

Нѣкоторой отецъ оставилъ по себѣ двухъ наслѣдниковъ, Христофора и Георга: первой былъ уменъ, а послѣдней глупъ. Передъ послѣднимъ своимъ концомъ взглянувъ онъ жалостно на Христофора, сказалъ: любезной сынъ! Ты разуменъ, и для того то мучитъ меня соболѣзнованїе о будущей твоей судьбѣ! Послушай, у меня есть въ поставцѣ коробоч-

ка съ дорогими каменьями; я тебя ими надѣляю. Возми ихъ себѣ, любезной сынъ, и не давай брату твоему изъ нихъ ничего.

Сынъ его удивился, и долго стоялъ въ изумленіи. Ахъ батюшка, вскричалъ онъ по томъ, ежели я все сіе одинъ получу, то чѣмъ же будетъ жить моему брату? Твоему брату? перервалъ отецъ рѣчь его; объ немъ я ни мало не печалюсь; дуракъ нигдѣ не загинетъ.

IV. Молодой молотильщикъ.

Молотильщикъ сидя на мягкой травѣ съ горшкомъ молока и черным хлѣбомъ, гнущался сею пищею. Онъ потягиваясь съ досадою на травѣ, размышлялъ жалостно о своей судьбинѣ, и протянувшись три раза, самъ себѣ сказалъ: бѣдной ты парень; ты не имѣешь собственной своей кровли, и мучишься ежедневно, работая цѣпомъ. Ты бы еще могъ и безъ того промыслить себѣ хлѣбъ; однакожъ ты дуракъ таскаешься всегда по житницамъ, и насилу можешь недѣли черезъ двѣ сходить въ корчму, чтобъ выпить стаканъ пива, и увидѣть тамъ твою Машеньку. Ты еще молодъ, читаешь и пишешь изрядно, а хочешь остаться всегда молотильщикомъ? Старостина дочь тебя любитъ, она богата и статна, такъ возми ты ее за себя. Ты можешь еще, о

кровь моя! быть со временемъ почтена старостою. Тогда то будучи въ покоѣ станешь ты ѣсть хорошее мясо и пить пиво, да еще и перьваго по попѣ тебя почитать . . . . О если бы я былъ старостою!

Въ то время какъ Гансъ сїе говорилъ, подошла къ нему, какъ будто нечаянно, его красавица, но въ самомъ дѣлѣ подошла она къ нему нарочно; ей хотѣлось съ нимъ поговорить, и чтобъ онъ отважился обнявши поцѣловать ее. Деревенскїя дѣвушки не уступятъ городскимъ, не смотря на то, что живутъ онѣ въ деревняхъ.

Гансъ сажаетъ тихонько красавицу свою на траву, и такъ какъ молодой господинъ выхваляетъ новой ея нагрудникъ и шнурованье, но только съ тѣмъ различїемъ, что наблюдаетъ онъ при семъ болѣе скромности. Однимъ словомъ: цѣлуя ее весьма страстно, предлагаетъ онъ ей свое сердце, и проситъ ее о взаимной любви. Она на то склонилась, и онъ, какъ еще многимъ и теперь въ деревнѣ сей извѣстно, сдѣлался зятемъ богатаго старосты. Лишь только онъ женился, какъ скорая смерть похитила тестя его отъ сего свѣта. Кого же теперь выберутъ старостою? Кого другаго, кромѣ его зятя?

Онъ поспѣшаетъ итти въ земской судъ, возвращается оттуда радостно, и садится

яко чиновной человѣкъ, въ деревнѣ староста на скамейку.

Какъ чрезъ прилѣжность свою окончавшїй науки студентъ, пришедъ счастливо домой съ екзамену, не помнитъ самъ себя утопая въ веселїи, когда служанка, поздравляя его съ глубокою учтивостїю именемъ его любовницы, называетъ его господиномъ докторомъ; подобнымъ сему образомъ и Гансъ не знаетъ съ великой радости, какъ ему стать и протянуть руки, когда дьячкова жена Аделейда назвала его господиномъ старостою.

Коль счастливымъ почиталъ онъ себя въ своемъ чинѣ! Онъ ѣстъ уже мясцо, и дѣлаетъ приходящимъ къ нему мужикамъ разправу. Однакожъ пришло и такое время, въ которое почувствовалъ онъ много безпокойствїя. Какая должность безъ хлопотъ быть можетъ? вскорѣ послѣ того бросился нашъ господинъ Гансъ съ досадою на то мѣсто, на которомъ возхищался онъ будущимъ счастїемъ, и часто говаривалъ: о если бы я былъ старостою! Я, сказалъ онъ самъ себѣ, имѣю теперь домъ и чиновное мѣсто, однакожъ при всемъ томъ продолжаю мучительную жизнь. То долженъ я говорить и отвѣчать за мужиковъ, за которыхъ укоряя прикащикъ меня называетъ глупцомъ: то мучатъ проклятые солдаты, ругая меня нещадно. Иногда не могу я удо-

вольствовать приѣзжающихъ ко мнѣ разсыльщиковъ съ указами о зборѣ податей. Когда наказываю я мужиковъ, то они на меня ропчутъ; а когда имъ послабляю, то надо мною смѣются. Прежде спалъ я спокойно, но теперь для каждаго безпокоиться долженъ; а хотя иногда и остаюсь одинъ, такъ жена меня бѣситъ. О если бы мнѣ не стыдно было, то принялся бы опять за прежней свой промыселъ, и умеръ бы молотильщикомъ.

* * *

Кто знаетъ, что не всякой знатной господинъ разсуждаетъ самъ съ собою такъ, какъ сей староста? Можетъ быть, что многіе гораздо были спокойнѣе ходя пѣшкомъ, нежели нынѣ разъѣзжая съ досадою въ великолѣпныхъ каретахъ? Не можетъ ли сдѣлаться, что иной гораздо спокойнѣе былъ прежде, нежели удостоился возложить на себя знакъ Государской милости? Познайте вы, подчиненные люди, что знатностію не возможно приобрѣсть спокойствія. Научитеся симъ, что тѣ гораздо несчастнѣе, кои вамъ счастливѣйшими кажутся.

V. Счастливое супружество.

Возсылаю благодареніе Богу браковъ, что увидѣлъ я, по желанію моему, совершенно

довольную супружествомъ чету, которая безъ досады и разкаянія, со взаимною любовію и равною вѣрностію въ согласномъ супружествѣ счастливо пребывала.

Сердца ихъ взаимно были подвластны. Чего желала супруга, то похвалялъ и супругъ, а что онъ порицалъ, того и она не терпѣла. Случаи, могущіе наносить безпокойствіе другимъ, никогда спокойствія ихъ не нарушали. Они любили другъ друга, и жизнь имъ не была тягостна.

Супругъ не былъ подвластенъ своенравію, а супругою не обладала гордость, и такъ не властвовали они другъ надъ другомъ. Они властвовали, но токмо повиновеніемъ; спорили, но споръ ихъ былъ не иное что, какъ подкрѣпленіе союза.

Вмѣсто того, что мы прежде, нежели женимся, обманываемся наружностію любви, а при томъ должны утаевать нашу ошибку: то на противъ того между ими и во время нѣжнѣйшаго ихъ союза ни малаго неудовольствія не примѣтили.

Послѣдней день ихъ жизни, и послѣдней поцѣлуй былъ столь же имъ любезенъ, какъ и перьвой. Они умерли. Когда? . . . . . Можешь ли ты меня объ етомъ спрашивать? Спустя недѣлю послѣ свадьбы; а если бы не такъ,

то бы повѣсть моя была только на сказку похожа.

VI. Два сторожа.

Два сторожа охраняющіе съ давнаго уже времени городъ, ругали нещадно другъ друга во всѣхъ шинкахъ и трактирахъ, и язвили одинъ другаго весьма жестоко вредными насмѣшками; ежели одинъ изъ нихъ разкуритъ лучиною свою трубку, то уже тою лучиною другой, по ненависти къ своему товарищу, разкуривать не станетъ. Однимъ словомъ, всякими ругательствами, какія только мщеніе изобрѣсть можетъ для оскорбленія своего неприятеля, поносили они другъ друга. Каждой хотѣлъ изъ нихъ для того только пережить другаго, чтобъ и въ гробу толкнуть его ногою.

О сей ихъ враждѣ много размышляли, и не знали, отъ чего она происходитъ; однакожъ ссора ихъ дошла и до суда, въ которомъ надлежало имъ открыться, для чего они съ столь многихъ лѣтъ ненавидятъ другъ друга. Какаяжъ была тому причина? Зависть въ прибыткѣ? не правда ли? Нѣтъ. Одинъ кричалъ, ходя по улицамъ: гаси огонь и свѣчи, а другой кричалъ не такъ; онъ кричалъ: туши огонь и свѣчи. И за сіе то различіе словъ,

тасти и тушы, происходило между ими ругательство, презрѣніе, ненависть, мщеніе и злоба.

* * *

Я слышу, что многіе говорятъ: возможно ли поссориться имъ за такую бездѣлицу? Конечно были они великіе дураки. Перестаньте спорить о семъ, мои господа, ежели вы счастливы быть хотите. Развѣ не знаете вы множества такихъ великихъ людей, кои въ ученыхъ своихъ спорахъ за одно только, и тожъ самое означающее слово, становятся великими между собою лиходѣями?

VII. Цуковая лошадь.

Цуковая лошадь увидя крестьянскую клячу запряженную въ сохѣ, заржала передъ ней возгордяся. Можешь ли ты когда нибудь, сказала она ей бодрясь, быть въ такомъ почтеніи? И сдѣлаешся ли когда удивленіемъ свѣта? Молчи, отвѣчала ей кляча, и оставь меня пахать въ покоѣ; ибо ежели бы я трудами моими не пахала поля, тобъ откуда получила ты овесъ, которой въ тебѣ толикую гордость производитъ?

Познайте вы презирающіе низкихъ людей гордые тунеядцы, что и самая ваша гордость, съ которою вы на нихъ взираете, и

самое преимущество, коимъ вы надъ ними превозноситесь, основываются на ихъ прилѣжанiи. Развѣ тотъ, которой дѣлами рукъ своихъ питаетъ себя и васъ, не достоинъ ничего кромѣ презрѣнiя? Пускай имѣете вы лучшiе нравы, однакожъ и сiе не собственное ваше преимущество: ибо если бы произходили вы изъ ихъ же хижинъ, то и нравы бы ваши были имъ подобны. Они бы были столь же искусны, какъ и вы, или еще и лучше, еслибъ такъ же были возпитаны. Безъ васъ весьма легко мы проживемъ, а безъ нихъ никакъ обойтиться не можно.

VIII. МУХА.

Сiе кажется неоспоримо, что звѣри разсуждать могутъ. Есопъ, котораго дѣти остроумнымъ называютъ, въ семъ насъ увѣряетъ, да и Фонтенъ съ нимъ же согласуется. Кто бы былъ столь завистливъ, и не пожелалъ бы звѣрямъ сего счастiя, въ которомъ люди столь мало нужды имѣютъ? Разсуждаютъ ли они или нѣтъ, никто о томъ не помышляетъ.

* * *

Въ нѣкоторомъ преизполненномъ великолѣпiя храмѣ, въ которомъ возносясь искуство вѣчною прочностiю, принуждало каждаго къ по-

хвалѣ и приводило въ возхищенiе, и когда поражало оно симъ украшенiемъ, то благородная при томъ простота опять чувства укрѣпляла; въ семъ то изобилующемъ великолѣпiя и порядка строенiи сидя на камнѣ темнозрачная муха разсуждала. Ибо что мухи имѣютъ темное зрѣнiе, часто поддерживаютъ голову ногою и морщатъ лобъ, то произходитъ сiе не отъ другаго чего, какъ что онѣ много разумѣютъ, и проникаютъ въ вещь до самаго основанiя. И такъ сидѣла тутъ премудрая муха. Важныя черты помрачали лице ея. Разсуждая глубокомысленно глаголетъ она тако: отъ чего произошло сiе зданiе? есть ли еще кто кромѣ создателя сего храма? Не думаю, чтобъ кто нибудь могъ ево воздвигнуть. Искуство, отвѣчалъ пожилой паукъ, построило сей храмъ. Ибо куда бы слабой твой взоръ ни обратился, то вездѣ найдешь ты порядокъ и уставъ; а сiе то доказываетъ, что воздвигнуло его искуство. Муха засмѣявшись громко, сказала съ презрѣнiемъ пауку: искуство? А что такое есть искуство? Я думая и разсуждая почитаю сiе за одну только выдумку. Чтожъ оно такое? и кѣмъ оно управляемо? Нѣтъ, етимъ разсказамъ я не вѣрю. Я тебѣ изъясню, отъ чего зданiе сiе взялося: множество однородныхъ камешковъ находясь здѣсь, по случаю начали соединяться вмѣстѣ, и отъ соедине-

нія сего произошелъ великой внутри имѣющей пустоту камень, въ которомъ мы теперь и находимся. Можетъ ли что понятнѣе быть сего мнѣнія?

Мухѣ можно простить въ ея систимѣ; но что касается до тѣхъ великихъ умовъ, кои сотвореніе преисполненнаго порядка міра приписываютъ случаю, и желаютъ лучше жить независимо, нежели признавать престолъ владычный, тѣхъ, ежели не почитаютъ ихъ безумными, простить никакъ не можно.

IX. Бѣдный старикъ.

Нѣкогда вознамѣрился я итти смотрѣть Носорога (сіе разсказывалъ мнѣ мой пріятель); и такъ пошелъ я за городъ, имѣя въ карманѣ полгульдена, а передо мною шелъ великой богачь, которой, по виду его, собранные имъ долги, и прибытки полученные на ярмаркѣ, и какъ получить ростъ на ростъ, ежели бы ему въ томъ посчастливилось, выкладывалъ въ умѣ длинными цифирными строками.

Передо мною шелъ господинъ Оргонъ. Я его такъ называю, по тому что не знаю его имени. Прежде нежели дошли мы до нашего звѣря, попался намъ престарѣлой и дряхлой старичокъ, о которомъ, хотя бы онъ ничего у насъ не просилъ, то бы дрожащая и полу-

мертвая голова, честной и богобоязненной видЪ, также и сѣдинами украшенные власы, болѣе, нежели сила краснорѣчїя, предстательства внушили. АхЪ, сказалЪ онЪ, сжальтесь надо мною! Я не имѣю чемЪ утолить своей жажды. Впредь безпокоить уже я васЪ не буду: можетЪ быть, что БогЪ услышитЪ скоро мое прошенїе, и прекратитЪ дни мои. О милосердый Боже! низпошли мнѣ скорой конецЪ.

ТакимЪ образомЪ окончалЪ рѣчь свою старикЪ; но что же сказалЪ богачЪ? Ты уже пожилой человѣкЪ, и стоишь уже одною ногою вЪ могилѣ, а просишь денегЪ на пропой? не стыдно ли тебѣ старой хрѣнЪ! Развѣ ты хочешь сперва напиться до пьяна, а по томЪ зашатавшись упасть вЪ могилу? Кто сЪ молоду денежки бережетЪ, тотЪ подЪ старость нужды вЪ нихЪ не имѣетЪ. По сихЪ словахЪ отошелЪ отЪ него скупяга. Потоки слезЪ произшедшїе отЪ стыдливости, полилися по лицу престарѣлаго мужа. О Боже! сказалЪ онЪ, тебѣ извѣстно все. Я будучи склоненЪ кЪ сожалѣнїю, едва могЪ удержаться отЪ слезЪ, и отдавЪ ему полгульдена, которымЪ намѣренЪ былЪ любопытство мое удовольствовать, хотѣлЪ отЪ него уйти, чтобЪ слезы мои не примѣтны ему были; однакожЪ онЪ меня удержалЪ. Постой, сказалЪ онЪ мнѣ сЪ наполненными слезЪ глазами, ты будешь сожалѣть,

подавъ мнѣ столь великую милостину. Я не требую отъ тебя многаго, а дай мнѣ столько, чтобъ напившись квасу могъ я утолить свою жажду. Возми все, сказалъ я ему, ты достоинъ етого и выпей нѣсколько вина; но скажи мнѣ, спросилъ я, гдѣ ты старичокъ живешь? Онъ разсказалъ мнѣ о своемъ жилищѣ. На другой день пошелъ я къ сему честному старцу, и идучи дорогою, спрашивалъ гдѣ его сыскать должно. Но покамѣстъ я его искалъ, умеръ уже онъ за часъ передъ моимъ приходомъ. Онъ лежалъ на смертномъ одрѣ съ такимъ же благочестивымъ видомъ, съ какимъ прошедшаго дня говорилъ со мною; молитвенникъ и кусокъ хлѣба лежали только на жеской его постелѣ. О еслибъ посмотрѣлъ теперь богатой скупяга сего бѣднаго старика, съ которымъ поступилъ онъ столь безбожно, и которой можетъ быть вопіетъ на него творцу, что не подалъ онъ ему предъ смертію на утоленіе жажды!

Приятель мой просилъ меня, чтобъ я описавъ сіе издалъ въ свѣтъ въ посрамленіе сего жидомора. Но я думаю, что такой человѣкъ, которой почитаетъ за долгъ копить деньги, ни когда усовѣститься не можетъ.

X. КАЛЛИСТА.

О читатель! представь себѣ съ нѣжными мыслями прелестнѣйшую красоту, которыя зракъ процвѣталъ весною младости, и покорялъ множество возхищенныхъ благородныхъ юношей старающихся о приобрѣтенiи ея сердца; представь себѣ теперь, и возчувствуй, сколь была она прекрасна.

Каллиста, которыя судьбу повѣствовать начинаю, знатная своимъ родомъ, а болѣе еще и того своимъ великодушiемъ, находясь нѣкогда въ болѣзни, призываетъ къ себѣ лучшаго Королевскаго лѣкаря, и приказываетъ ему по наставленiю доктора пустить себѣ кровь.

Сей искусной человѣкъ, прельщенный красотою Каллисты, обожалъ ея тайно, по тому что высокая ея природа препятствовала помышлять о взаимной любви; чего ради получивъ сей случай пришелъ онъ къ ней съ несказанною радостiю. О естьлибъ на сiе время его не было! Онъ взявъ бѣлую ея руку, потираетъ съ торопливостiю и будучи объятъ любовiю и робостiю, щупаетъ пульсъ дрожащею рукою, а по томъ погружаяся въ тоску начинаетъ опять тереть ей руку.

Каллистина прiятельница видя его робѣюща, сказываетъ ей о семъ тихонько на ухо. О, сказала она, пускай онъ спокойно оправ-

ляетъ свое дѣло, хотябъ ему съ двухъ разъ просѣчь не удалося, однакожъ я на него не осержусь; я знаю, что зла онъ мнѣ не желаетъ. Лѣкарь сказалъ на сїе, что онъ сего не думаетъ, и ударивъ по жилѣ закричалъ· о несчастливой ударъ! Я вить прямо попалъ по бїючей жилѣ. При сихъ словахъ зашатавшись онъ упалъ.

Каллиста (можетъ ли что быть сего великодушнѣе?) принимаетъ старанїе о томъ, которой опасно ее ранилъ; приказываетъ о себѣ не печалиться, и пребываетъ два дни во всей своей болѣзни. Однакожъ сїе не великое было еще страданїе. Доктора предвидѣвъ теперь смертельную опасность, согласились отпилить ей руку, по тому что другаго средства не находили. Она протягиваетъ имъ безъ всякаго сожалѣнїя прекрасную свою руку, и приказываетъ спросить совѣту у того самого, которой былъ виновникомъ сего несчастїя.

И такъ красавица лишается своея жизни отъ потерянїя руки? Такъ развѣ жизнь ея была возмездїемъ за толь великую болѣзнь? Посмотри на доктора, страхъ его тебѣ то объявляетъ. Онъ примѣтя въ ней Антоновъ огонь, говоритъ ей робѣя: вы не можете прожить долѣе трехъ дней. О создатель, сколь мало жить ей осталось! Господа врачи, помогите ей, ежели еще можно.

Каллистино сердце и теперь еще неподвижно осталось. Такъ я умру? сказала она. Чтожъ дѣлать! Онъ въ томъ не виноватъ. Онъ бы съ охотою за меня лишился жизни. Богъ такъ опредѣляетъ; я повинуюсь ему моимъ терпѣнiемъ, и теперь же умереть готова. Въ то самое время пришелъ ея фельдшеръ, и она увидѣвъ его сказала: Тебя поставляю я наслѣдникомъ всего моего имѣнiя, чтобъ предупредить тѣмъ твое нещастiе. Выговоривъ сiе предала духъ свой великодушно.

XI. ОБЕЗЬЯНА.

Обезьяна видя двухъ мальчиковъ искусно въ шашки играющихъ разсматривала каждое мѣсто съ такимъ надменнымъ вниманiемъ, какъ будто и сама играть умѣетъ. Иногда показывала она видъ неудовольствiя, а иногда похваляла. Она потряхивала головою при ходѣ одного, и радовалась когда другой бралъ шашки.

Въ то время, какъ одинъ изъ сихъ мальчиковъ, желая вдругъ обыграть другаго, размышлялъ долго, чтобъ искусно ступить; то обезьяна толкая моргала ему, чтобъ онъ выступалъ. Которой же шашкой выступить мнѣ, коли ты столь разумна? спросилъ ее разсердившись мальчикъ; етой ли, или той, или

сею, на которую я указываю пальцомъ? Обезьяна усмѣхалася, видя себя вопрошаему, и моргая на каждую шашку, желала симъ сказать: да.

Для испытанія премудрости тѣхъ, которые показываютъ видъ, что будто и они столько же, сколько и ты разумѣешь, попроси у нихъ совѣту. И ежели они на всякой твой вопросъ будутъ отвѣчать скоропостижно: да; то можешь ты маѳематическимъ порядкомъ заключить, что ничего они не смыслятъ.

XII. Земледѣлецъ и сынъ его.

Одинъ простакъ деревенской малой, коего молодой дворянинъ Гансъ бралъ съ собою въ дорогу, и которой приобрѣлъ великое дарованіе лгать, не хуже своего барина, шелъ возвратившись изъ путешествія съ отцомъ своимъ по полю. Фрицъ идучи дорогою лгалъ безстыднымъ образомъ. Къ великому его несчастію попалась имъ большая собака. Батюшка, вскричалъ безсовѣстной парень, повѣришь ли ты мнѣ или нѣтъ, однакожъ я тебѣ скажу, да и всякому, ктобъ онъ ни былъ, что видѣлъ я близь . . . . Гаги на дорогѣ, лежащей во Францію, одну собаку, которая . . . . ежели не будетъ величиною

съ твою большую лошадь, такъ я нечестной человѣкъ.

Это мнѣ удивительно, отвѣтствовалъ ему отецъ, хотя и правда, что каждое мѣсто имѣетъ особливыя свои диковинки. И у насъ также есть мостъ, по которому намъ черезъ часъ итти должно: онъ многихъ уже обманулъ; я думаю, что конечно тамъ какое нибудь есть волшебство. На семъ мосту лежитъ камень, на которой тотъ, кто въ тотъ день солгалъ, неотмѣнно споткнется, упадетъ и переломитъ себѣ ногу.

Парень услышавъ сїе, испугался. Ахъ батюшка! сказалъ онъ, пойдемъ потише. Но чтобъ завести рѣчь опять о собакѣ, то началъ онъ говорить: какъ бишь сказалъ я тебѣ, сабака то была велика? какъ большая твоя лошадь? Долго еще ей рости до етой вышины. Она, помнится мнѣ, была только еще полугоду; однакожъ я божусь, что она была съ посредственнаго быка.

Они шли по томъ довольно еще времени, и сердце Фрицово трепетать начинало. Но можно ли ему не испугаться? Вить никто добровольно переломить ноги не желаетъ. Онъ увидѣлъ опредѣляющїй рѣшенїе мостъ, и возмнилъ, что нога его начинаетъ уже ломаться. Послушай батюшка, сказалъ онъ отцу, собака, о которой я тебѣ говорилъ, была го-

раздо побольше теленка, хотя ее сперьва нѣсколько и увеличилъ.

Теперь всходятъ они уже на мостъ. Фрицъ! бѣда твоя приходитъ! Отецъ идетъ напередъ, но сынъ тотъ часъ его удерживаетъ. Ахъ батюшка! не будь столь легковѣренъ, и не вѣрь, чтобъ я такую собаку видѣлъ. Я тебѣ, прежде нежели перейдемъ мы етотъ мостъ, скажу всю правду, что собака столь же была велика, какъ и другiе.

* * *

Не вдругъ на то сердись, когда какой либо невѣжа безстыдно лжетъ передъ тобою. Лги и ты, и перелыгай его, чтобъ тѣмъ его пристыдить, за что какъ отъ него, такъ и отъ всего свѣта похвалу получишь.

XIII. Счастливый стихотворецъ.

Нѣкоторый стихотворецъ находился при дворѣ: при дворѣ? Какъ? Не уже ли при дворѣ? Какимъ образомъ достигъ онъ до такой чести? Я не могу понять, чтобъ стихотворецъ, какъ такой человѣкъ, которой ни правъ, ни обхожденiя придворнаго не знаетъ, былъ нуженъ при дворѣ? Какая при дворѣ въ немъ нужда? Ты справедливо етому, другъ мой, удивляешься Мнѣ досадно, что Августъ терпѣлъ при себѣ двухъ стихотворцовъ, кои

едва по школамъ извѣстны. Какая нужда намъ въ дюжинѣ Расинахъ и Молїерахъ? Ни малой нѣтъ! Что въ томъ прибыли, что одинъ изъ нихъ приводилъ дворъ въ слезы, а другой въ смѣхъ. Куда какая великая услуга отъ того обществу, а пользы нѣтъ не на выѣденное яицо. Но обратимся мы опять къ нашему предмѣту. Стихотворецъ, къ которому дворъ имѣлъ столько благоволенїя, спалъ нѣкогда днемъ въ Луврѣ. Какъ такъ? Развѣ онъ былъ пьянъ? Можетъ статься. Во Францїи есть хорошїя вина, а сказываютъ, что стихотворцы должны быть великими друзьями и испытателями истинны, любви, остроумїя и вина. Я не хочу судить въ томъ людей, и не скажу на ето ни да, ни нѣтъ.

Довольно сего, что стихотворецъ спалъ. При семъ должно примѣчать, что онъ былъ дуренъ лицемъ, однакожъ Королева желая усладить его сонъ поцѣловала его идучи мимо. Къ чему ето, вскричалъ Король, цѣловать такой гнусной ротъ? Ето правда, что онъ гнусенъ, отвѣтствовала Королева; однакожъ выговариваетъ хорошаго болѣе въ одинъ часъ, нежели ты въ цѣлой годъ.

XIV. Уродъ.

Госпожа Оргонша! вскричала ея кумушка, ахъ естьли бы ты знала, гдѣ я теперь была!

Я скажу тебѣ, только ты не испугайся. Я была теперь у родильницы. Луцинда, столь гордая женщина, которая нарядами своими часто насъ пристыжала, родила въ прошедшую ночь, о Господи отпусти мое согрѣшеніе! премерскаго ребенка, съ долгими заичьими ушами. Какая ето гордая баба! Я ей не судья, однакожъ знаю, что какой нибудь грѣхъ ее да попуталъ. Ей хочется, чтобъ никто объ етомъ не зналъ, да и я по человѣколюбію тогожъ желаю, однакожъ помяни ты мое слово, что городъ тотъ часъ ето провѣдаетъ. Пожалуй не сказывай ты никому етой тайны.

Устрашенная вѣдомостію сей Оргонша спѣшитъ увидѣться съ Дориндою, и пріѣхавъ къ ней спрашиваетъ о ея здоровьѣ, а послѣ сего и начинаетъ вмѣстѣ съ хозяйкою ругать тѣхъ женщинъ, кои честь другихъ поносятъ. Какъ? развѣ она ничего новинькаго не привезла Доториндѣ? Конечно ничего, она уже сбирается отъ нея ѣхать. Для чего хочетъ она такъ скоро ее оставить? Можетъ быть для того, что стыдно обѣимъ имъ болтать пустое. Не уже ли то для етого? Нѣтъ, я сему не вѣрю. Возможно ли, чтобъ такая бесѣда женщинамъ была не пріятна? Случается, что иногда и великіе мужи, имѣющіе на себѣ ученой видъ, часто калякаютъ цѣлой день о бездѣ-

лицѣ. Такъ уѣхала уже госпожа Оргонша? Нѣтъ еще, а вотъ теперь только она выходитъ. Но посмотри, она воротившись опять говоритъ: Я еще хочу спросить тебя сестрица объ одномъ дѣлѣ, которое весьма мнѣ нужно. Не слыхалаль ты . . . . . ? Какъ? Не уже ли не сказывалъ тебѣ никто про Луцинду? Развѣ не знаешь ты, что ета, о Господи! бѣдная Луцинда родила урода? По всему видно, что Богъ ее наказалъ. Она родила ребенка съ лошадиными ногами, а рожа точно какъ у зайца, и вся въ шерсти. Подумай, какъ ужасенъ етотъ уродъ! Однакожъ Луцинда проситъ, чтобъ никому о семъ не сказывать, такъ пожалуй ты объ етомъ помолчи. Ахъ какъ жалокъ етотъ ребенокъ! Онъ мальчикъ.

Доринда обѣщала ей никому о семъ не сказывать. Но ежели я не ошибаюсь, такъ разскажетъ она новость сїю такъ скоро, какъ ей возможно будетъ, по тому что Оргонша просила ее помолчать. И такъ она столь же скромно въ семъ поступитъ какъ и первая. Ребенокъ имѣлъ сперьва только заичьи уши, по томъ приставила ему Оргонша лошадиныя ноги, а Доринда болѣе всѣхъ его украсила. Она желая также и съ своей стороны его надѣлить, приставляетъ изъ любви къ нему къ обѣимъ рукамъ когти.

Не прошло еще половины дни, какъ узнали всѣ о сей тайности. Старушки чудясь сему, ограждали себя крестами, и старались съ матернимъ усердїемъ обратить дочерей своихъ на истинной путь, угрожая имъ симъ божескимъ посѣщенїемъ. Всѣ мущины разсуждали съ ужасомъ о семъ чудовищѣ; да и малыя ребята спорили объ истиннѣ его приключенїя съ такою ревностїю, что царапали тому лицо, кто не хотѣлъ сему повѣрить.

Какъ скоро узнала о семъ полицїя, то послала тотъ часъ доктора къ сему чудовищу. Наполненный любопытства врачъ пришелъ къ Луциндѣ, но вмѣсто мнимаго сего урода нашелъ онъ изрядной видъ имѣющаго мальчика, у котораго только уши были нѣсколько побольше обыкновеннаго. И сей то былъ уродъ, о которомъ прошла столь великая слава.

Будь ты проклята, мучительница селъ и городовъ, народная молва! Ты провѣдавъ что ни буль, летаешь по всѣмъ домамъ съ видомъ преизполненнымъ тайности, и что разскажешь три раза, то три новыя лжи еще къ тому прибавишь. Ехидная женщина чего не можетъ насказать? а особливо ежели дѣло касается до бѣдной ея прїятельницы. Злая женщина . . . Но нѣтъ, я не смѣю бранить; меня страшитъ ихъ краснорѣчїе, которымъ онѣ на людей напускаютъ.

XV. УТКА.

Утка плавая по лужѣ, увидѣла гусей ходящихъ во кругъ ея, и не могла, по природному своему высокоумїю удержаться отъ ругательства. Она протянувъ шею смѣялась громко и поглядывала во кругъ себя, такъ какъ нѣкакой остроумной враль, которой выдумавъ какую ни будь насмѣшку, хочетъ ее съ крикомъ и смѣхомъ, какъ бы ему въ томъ ни удалось, выговорить.

Утка еще смѣялась; одинъ гусь остановившись спросилъ ее: чему ты такъ смѣешься? Ахъ ни чему! Я только любуюся, какъ искусно вы переваливаетесь съ боку на бокъ протягивая ноги; давно ли вы такъ танцуете? Я съ охотою тебѣ это скажу, отвѣчалъ гусь, но выдь ты прежде сюда, и походи съ нами.

* * *

Вы подчиненные люди ругающїе всегда вашихъ начальниковъ, усматривая въ нихъ безчисленные пороки, кои въ васъ совсѣмъ не примѣтны, знайте, что грязь, въ которой вы надувшись гордостїю сидите по уши, скрываетъ таковые же и въ васъ пороки. И ежели хотите вы, чтобъ недостатки ваши купно съ вами свѣту непримѣтны были, то пребудьте завсегда въ семъ болотѣ.

XVI. Тилль.

Дуракъ превышающiй часто разумомъ своимъ тѣхъ, кои надъ нимъ смѣялись, и можетъ статься, что для того только онъ и принялъ на себя сей сумозбродной чинъ, чтобъ сдѣлать другихъ разумнѣе, не льзя статься, чтобъ славной сеи Тилль былъ кому ни будь не извѣстенъ. Сей проказникъ шелъ нѣкогда съ другими людьми дорогою чрезъ горы и долины, и какъ часто ни случалось имъ спускаться съ горы, то сходилъ Тилль весьма тихо и унывно опираясь объ посохъ; а когда должно было имъ подыматься на гору, то бѣжалъ онъ на нее съ несказаннымъ удовольствiемъ. Для чего, спросилъ его одинъ изъ товарищей, подымаешься ты на гору такъ весело, а съ горы идешь печально? Ну, такъ что же? отвѣчалъ Тилль; когда спускаюсь я съ горы, тогда думаю объ вышинѣ, на которую опять подыматься должно, отъ чего и прихожу я въ унынiе; когдажъ подымаюсь на гору, тогда помышляю объ долинѣ, коя потомъ послѣдуетъ и подастъ намъ облегченiе.

* * *

Ежели хочешь ты, чтобъ счастiе не приводило тебя въ безмѣрную радость, а несчастiе въ несносную печаль, то послѣдуй Тиллю, и будучи въ несчастiи, разсуждай о сча-

стїи, а когда сдѣлаешься счастливъ, тогда предуготовь себя опять быть несчастливымъ.

XVII. Клеантъ.

Клеантъ, искусный стряпчей, помогающей по присяжной своей должности утѣсненнымъ челобитчикамъ и избавляющїй остроумїемъ своимъ бѣдненькихъ плутовъ отъ висѣлицы и кнута, вступился защищать невинность двухъ воровъ, кои у него въ томъ помощи просили, и крючками своими довелъ до того, что вмѣсто пытки заставили ихъ присягнуть, а по присягѣ и выпустили на волю. Бѣдной народъ! Смотри какїя дѣлаются въ свѣтѣ несправедливости! Ибо ежели бы доброжелательной сей бездушникъ такъ рачительно дѣла сего не производилъ, то бы бѣдняшки сїи, которые уже совсѣмъ изобличены были, давно были уже повѣшены.

Какъ скоро ихъ выпустили, то благодарили они защитнику своему стоя предъ нимъ на колѣняхъ, и чувствуя его великую милость, подарили они ему, такъ какъ и долгъ требуетъ, мѣшокъ червонныхъ, хотя онъ и кромѣ сего довольно уже изъ нихъ высосалъ; сверхъ того божились они предъ нимъ своею воровскою честностїю, что ежели будутъ они въ хабарѣ, то заслуги его щедрѣе награждены будутъ.

Ночь была уже на дворѣ, и домой итти имъ поздно стало, и такъ позволилъ стряпчей сей, будучи ими весьма удовольствованъ, переночевать честнымъ симъ людямъ въ своемъ домѣ. Сїе имъ было и на руку; они остались ночевать и положивъ сонному своему благодѣтелю въ ротъ кляпъ, обобрали они у него все то, что онъ отъ нихъ ни получилъ, да и собственные еще его пожитки утащили. Послѣ сего подошли они къ его постелѣ, и пожелавъ ему доброй ночи, съ нимъ простились.

XVIII. *Ростовщикъ*.

Ростовщикъ сдѣлался въ короткое время великимъ богачемъ; онъ разжился не дѣлая обмановъ и обидъ, ни какъ, онъ божился въ томъ, что Богъ низпослалъ ему свое благословенїе. И чтобъ изъявить благодарность свою предъ Богомъ, или можетъ статься, чтобъ подвигнуть творца къ вящшему возмездїю, имѣя на него несомнѣнную надежду, вздумалъ построить для бѣдныхъ людей больницу.

Въ то время, какъ строилась его больница, и какъ стоялъ онъ тутъ самъ въ себѣ размышляя, коль достоинъ онъ Божескаго благоволенїя и благодарности бѣдныхъ людей, попался ему одинъ недоброжелательной его приятель. Жидоморъ желая весьма, чтобъ онъ

подивился его строенію, спросилъ его съ пріятнымъ восторгомъ, довольно ли великъ сей домъ для бѣдныхъ. Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ ему его пріятель, тутъ могутъ много людей покойно помѣститься; но ежели собрать въ него всѣхъ тѣхъ, коихъ ты ограбилъ, такъ весьма онъ для нихъ недостаточенъ.

XIX. Смерть мухи и комара.

Предприемлю возпѣть кончину мухи, и смерть комара возгласитъ пѣснь моя; хочу увѣдомить, какимъ печальнымъ образомъ скончала муха свой животъ, и комаръ прекратилъ дни свои.

Младая муха сѣла наполненная бодрости на стаканъ наполненной виномъ и желая его отвѣдать, поползла и ввалилась отъ радости въ стаканъ.

Комаръ увидѣвъ подругу свою сказалъ: я оставляю съ ужасомъ сей гробъ и буду находить удовольствіе свое не въ стаканѣ съ виномъ, а въ сіяніи свѣчи. Онъ подлетѣлъ съ великимъ возхищеніемъ къ свѣчѣ, и будучи ослѣпленъ ея свѣтомъ, влетѣлъ въ огонь, сжегъ свои ноги, и вскричавъ только, ахъ! умеръ.

Вы, которые повинуясь своимъ похотямъ, причиняете себѣ отъ роскоши самопроизвольной вредъ, и покоитеся, дозвольте мнѣ въ

честь вашу сказать, что вы только такъ какъ человѣки умираете.

XX. Аминтъ.

Аминтъ претерпѣвая крайнюю нужду, принужденъ былъ занять десять талеровъ для выкупу убогой своей хижины; онъ пришедъ къ некоему богачу, у котораго въ службѣ находился, просилъ его здѣлать ему столь великое при семъ случаѣ милосердїе и одолжить его сими деньгами. Богачь согласился на его прошенїе. Не ужели онъ вдругъ на ето согласился? Ахъ нѣтъ! Аминтъ проливалъ немалое время предъ нимъ слезы, долго стоялъ въ отчаянїи, прося его именемъ Божїимъ, и два раза уже выходилъ за двери. Богачь укорялъ его бѣдностїю съ великимъ ругательствомъ, и открывъ толстую долговую книгу, въ коей прочиталъ ему множество имянъ безнадежныхъ ему должниковъ, ругался надъ нимъ при каждомъ своемъ щотѣ съ повелительною улыбкою. По томъ уже вознамѣрился ссудить честнаго сего Аминта, и взявъ съ него вексель, далъ ему десять талеровъ, изъ коихъ вычелъ напередъ шесть процентовъ.

Въ то время какъ богатой считалъ, вошелъ къ нему одинъ ремесленникъ, которой имѣя нужду просилъ его заплатить ему остальныя деньги. Теперь нѣтъ у меня ни полу-

шки, закричалъ богачь; однакожъ бѣдной сей мастеровой человѣкъ просилъ его и въ другой разъ, чтобъ отдалъ онъ принадлежащіе ему два талера. Лихоимецъ сей видя, что ремесленникъ отъ него не отходитъ, закричалъ на него: поди отсюда вонъ, ты воръ, бездѣльникъ! Я не бездѣльникъ и не воръ, отвѣчалъ ремесленникъ; я пойду и буду на тебя просить, и представлю свидѣтелемъ Аминта. Послѣ сего онъ тотъ часъ ушелъ. Аминтъ! сказалъ сей ростовщикъ, когда тебя потребуютъ въ свидѣтели, то здѣлай ты мнѣ эту услугу, и скажи, что ты ничего не слыхалъ, я буду и самъ тобою благодаренъ, и вмѣсто десяти дамъ тебѣ взаймы дватцать талеровъ. Ибо ежели заставятъ меня въ ратушѣ просить у него прощенія за причиненное мною ему ругательство, такъ это для меня вѣчной стыдъ будетъ. И такъ ежели ты отречешься быть при томъ свидѣтелемъ, то я подарю тебѣ двадцать талеровъ, которыми можешь исправить ты всѣ свои нужды.

Государь мой, отвѣтствовалъ Аминтъ, хотя уже дни съ два тому, какъ дѣти мои до сыта не наѣдаются, и какъ скоро они меня увидятъ, то будутъ опять просить ѣсть, что причинитъ мнѣ несносную горесть, и хотя должники мои выгоняютъ меня изъ моей хижины; однакожъ буду я, въ надеждѣ на Бога,

сносить сїе съ терпѣнїемъ. Возми назадъ твои деньги, и научись отъ меня быть совѣстнымъ человѣкомъ.

XXI. Иродъ и Иродїада.

Другъ мой, кто пристрастенъ къ одному пороку, тотъ впадаетъ и во всѣ. Кто по какому либо случаю преступаетъ одинъ уставъ добродѣтели, тотъ оскверняетъ сердце свое преступленїемъ и всѣхъ прочихъ. Ты отвѣтствуешь; какое несправедливое нравоученїе преподаетъ унылая твоя душа! Положимъ, что порабощенъ я сластолюбїю, такъ могу ли я отъ того быть склоненъ къ смертоубїйству? Не погнѣвайся пожалуй, любезной другъ, я думаю, что ето сдѣлаться можетъ: священное писанїе и разумъ сїе утверждаютъ. Остроумїе ведущее тебя, по мнѣнїю твоему, путемъ истинны, внушаетъ тебѣ, что блудъ не льзя почесть порокомъ; но ежели нужда твоя потребуетъ, то скажетъ оно, что и смертоубивство преступленїемъ почтено быть не можетъ. Хотя и не льзя сдѣлаться вдругъ величайшимъ злодѣемъ, однакожъ основанїе ко всему злу вдругъ положить можно. Если нарушишь ты съ умыслу хотя одну изъ твоихъ должностей, то почувствуетъ сердце твое страшное поползновенїе преступить и

другія. Для чего ты повинуешься законамъ? Для того, что всещедрый Богъ промышляющій о твоемъ благоденствіи, подаетъ ихъ разумнымъ людямъ къ собственномужъ ихъ благополучію. Коль скоро нарушишь ты одну заповѣдь, то поколеблешь уже и все ихъ основаніе. Чтожъ можетъ тогда тебя утвердить, чтобъ не опровергнулъ ты и всего преданія? О невинное юношество! Прошу тебя, послѣдуй сему ученію. Нѣтъ болѣе кромѣ одной добродѣтели, и одного подлѣ ея порока. Ежели не имѣешь ты намѣренія поступать внутренно и наружно по преданнымъ тебѣ святымъ должностямъ, то какъ бы ты не величался своими достоинствами, однакожъ не можешь ты имѣть добродѣтельнаго сердца. Коль скоро отважишься ты, по желанію сердца твоего, хотя одинъ изъ законовъ нарушить съ умыслу, то ослабишь всю силу добродѣтели, и при множествѣ добрыхъ своихъ дѣлъ, кои ты производишь по побужденію надежды или страха, славы или естества, будешь какъ предъ Богомъ, такъ и здравымъ разсудкомъ гнуснѣйшимъ человѣкомъ.

О юношество! вкорени наставленіе сіе въ твое сердце: оно теперь еще къ тому удобно. Никто не можетъ кромѣ тебя прилѣпиться вѣчно съ возпламененнымъ усердіемъ къ добродѣтели, и возпротивиться порокамъ. Добродѣ-

тель уподобитъ тебя божеству, а безъ нее и обладатели государствъ рабамъ равны бываютъ. Она усладитъ веселїемъ твое сердце, превознесетъ тебя выше всякаго несчастїя, предстанетъ предъ тебя въ небесномъ зракѣ при послѣднемъ твоемъ издыханїи, когда всѣ съ плачемъ тебя оставятъ, и возлюбивъ тебя отверзетъ путь душѣ твоей въ царствїе присноблаженныя славы. Она украситъ тебя предъ тѣми праведными душами, кои радуяся твоему счастїю, пожелаютъ твоего съ ними сожитїя.

О человѣкъ! не довольно ли тебѣ сего блаженства за строгое исполненїе твоея должности.

Теперь познаемъ мы изъ истиннаго примѣра, какимъ образомъ всѣ пороки отъ одного родиться могутъ.

* * *

Иродїада, какъ священное писанїе намъ повѣствуетъ, нарушивъ къ мужу своему вѣрность, которую и язычники за свято почитали, возымѣла склонность къ Ироду брату его; и дворъ приобыкшїй давать рѣчамъ другїя знаменованїя, почиталъ склонность сїю нѣжностїю, а не прелюбодѣянїемъ.

Но оставимъ льстецовъ въ рабскомъ ихъ закоснѣнїи. Іоаннъ приходитъ къ Ироду. Царскїй престолъ окруженный блестящими пороками его не ослѣпляетъ. Онъ видя сїе вѣщаетъ

ему смѣло: ты отнялъ жену у брата твоего, и въ семъ ты, государь, погрѣшаешь. Такъ провозгласилъ ему сей мужъ наполненный духа добродѣтели и попирающїй раболѣпство прельщающееся вѣнцемъ царскимъ. Онъ почиталъ болѣе Бога нежели государя; и дерзновенїе полагалъ себѣ за должность, чтобъ прославлять того, которой какъ насъ, такъ и земныхъ Царей создалъ изъ одинакаго праха.

Сколь неустрашимъ былъ сынъ Захарїя; но во мзду сего въ темницу его заключаютъ. Онъ бы могъ просить извиненїя, и былъ бы свободенъ; но нѣтъ: другъ добродѣтели почтетъ себя свободнѣе быть въ темничныхъ оковахъ, нежели невольникомъ въ царскихъ чертогахъ. Какъ Іоаннъ ни изобличалъ Ирода, однакожъ былъ онъ ему любезенъ. Ибо всякой человѣкъ нарушающїй заповѣдь, любитъ ту благочестивую душу, прославляющую Бога и добродѣтель, почитаетъ ее внутренно и досадуетъ, что ненавидѣть ее не можетъ.

Сколь Царь ни погруженъ былъ въ семъ порокѣ, однакожъ не со всѣмъ еще лишился онъ добродѣтели. Развѣ отъ прелюбодѣянїя сдѣлался онъ столь злобенъ? Никакъ: ежели онъ случай къ тому имѣть будетъ, то конечно соединитъ съ прелюбодѣянїемъ и лютость. Никакой порокъ одинъ сердцемъ не обладаетъ. Можетъ быть что и ты сдѣлался бы величай-

шимъ преступникомъ, ежелибъ возможности твоей къ тому довольно было.

Иродіадина дочь плясала на радостномъ торжествѣ, и весь дворъ удивлялся ея искуству. Иродъ симъ возхищается и разсматривая ея лице примѣчаетъ на немъ черты подобныя ея матери. Онъ призвавъ къ себѣ Соломію сказалъ: повелѣвай теперь твоимъ щастіемъ, и проси у меня чего ты хочешь; любовь моя къ тебѣ столь чрезмѣрна, что все Величество царствія моего превышаетъ. Соломія побѣжавъ съ сею радостію къ матери своей Иродіадѣ, спрашиваетъ ее, чего ей просить должно? Проси неустрашимую главу Іоанна Крестителя, отвѣтствовала ей мать. О Боже! кто бы могъ о семъ подумать? Развѣ сластолюбивое сердце и соблазнительный взоръ почитаетъ окровавленную главу за высочайшее счастіе? Развѣ женщина сія нетерпящая малѣйшаго оскорбленія вмѣняетъ и свирѣпство въ сластолюбіе, въ коемъ она погружена? Да еще и дочь свою поощряетъ къ преступленію?

Иродъ услышавъ ея прошеніе, ужаснулся и запечалился, по тому что любилъ онъ святаго сего мужа. Но царская гордость принуждала его изполнить сіе обѣщаніе. Какъ? разсуждалъ онъ самъ въ себѣ, развѣ предстоящіе не слыхали? развѣ ты не государь и не повелитель? Не отмститъ ли тебѣ Иродіада хо-

лодностію, ежели не изполнишь ты сего прошенія? Повелимъ, внушаетъ ему любовь, и тотъ часъ соглашается онъ на ужасное сіе удовольствіе. Главу Крестителя усѣкаютъ и приносятъ по томъ къ нему на блюдѣ.

Уразумѣй изъ сего, какъ по маломъ сопротивленіи одинъ порокъ другіе за собою навлекаетъ!

XXII. Деистъ.

Вы пекущіеся о добродѣтели и повинующіеся только тому, чему разсудокъ и священное писаніе научаетъ, вамъ ругается Деистъ, взирая на законоподвластную жизнь вашу. Чего вы ищете вопрошаетъ онъ васъ, ие спокойствія ли? возможно ли такъ себя обманывать, чтобъ вмѣсто снисканія удовольствія, лишать себя онаго? Вы стараетесь приобрѣсть покой, и находите его въ обремененіи ; ненавидите того, чего желаете; а желаете того, что презираете. Есть ли въ васъ разумъ? Я сомнѣваюся, чтобъ вольность въ добродѣтели состояла, и сіе не иное что, какъ домогаяся свободы, налагать на себя оковы.

Просвѣтитеся отъ нощи суевѣрія помрачающія вашъ разумъ; послѣдуйте природѣ, и наслаждайтесь ея дарами; старайтесь только о томъ, чего вы желаете, а убѣгайте

шого, что вамъ противно; размышляйте произвольно и живите по произволенію, не взирая ни мало на поведеніе суевѣровъ. Избѣгайте многочисленнаго сонмища простолюдимовъ. Они не знаютъ и сами чему вѣрятъ, и почитая склонности свои непозволительными, не видятъ что безразсудная привязанность къ вѣрѣ счастіе ихъ поглощаетъ; въ прочемъ не были бы они толь суевѣрны.

И такъ послѣдуйте краткому моему ученію, и не вѣрьте тому, чему многіе вѣрятъ. Народъ не входя въ изпытаніе, вѣритъ только по лѣности, но разумной человѣкъ вникаетъ въ глубину истинны. Чему учитъ насъ священное писаніе? Печально только жить, и безпрестанно трудиться; они ни что иное какъ загадка, которую чтобъ отгадать, такъ должно прежде ума лишиться. Что такое называется совѣсть? ни что иное какъ вещь, приобрѣтенная возпитаніемъ и священное наслѣдіе людей слабоумныхъ; но тѣ, кои разсуждаютъ съ здравымъ разумомъ, не мало не чувствуютъ оныя дѣйствія.

Послѣдуйте природѣ. Она васъ приглашаетъ; чегожъ она кромѣ подражанія требуетъ? Страхъ выдумалъ законы и должности, и сотворилъ рай и муку. Но разсмотрѣвъ сіе съ прозорливостію, что вы увидите? Рай ли съ адомъ? Никакъ, одни только пустыя враки.

Пускай останется свѣтъ въ своемъ заблужденіи. Но что меня покоитъ, то и почитаю я за законъ. Разумной человѣкъ ни вѣрить, ни повиноваться кромѣ сего ни чему не долженъ.

Вотъ съ такимъ высокоуміемъ утверждалъ Деистъ свою Систему; онъ свергнулъ съ освященнаго престола добродѣтель, и возвелъ на него порокъ. Злобное его сердце сотворило произвольнаго себѣ Бога и поступало по собственному своему разуму, и онъ поносилъ ругательствами разпятаго на крестѣ.

Конецъ жизни его приближается; и сей гордо всегда высокоумствующій начинаетъ внезапно трепетать смерти. Ужасъ предстоящія вѣчности, гнѣвъ праведнаго судіи и бездна поглощающая его, низложили дерзкое его мнѣніе. И сей, которой отважился прежде премудрымъ своимъ ученіемъ увѣрить весь свѣтъ, внимаетъ со смиреніемъ теперь поученію работной дѣвки, и повинуясь обращается на путь истинны отъ той, кою стократно предъ симъ называлъ онъ Христіанскимъ извергомъ.

Вотъ сколь непоколебимо ученіе Деиста.

XXIII. Завѣщаніе.

Оронтъ достигъ въ свѣтѣ до высочайшаго счастія, въ которомъ иногда и государи

завидуютъ пастухамъ; до счастїя, говорю я, коимъ приобрѣлъ онъ въ крайней своей бѣдности вѣрную любовь своего друга. Смерть къ нему приближалась. Искусной его врачь предвидя, что ни какого способу къ излѣченїю ево не остается, покрылъ ему сїю опасность, и совѣтовалъ употребить сїе время къ разпоряженїю въ его домѣ.

Оронтъ ожидая съ неустрашимымъ духомъ своей кончины, просилъ, чтобъ послали немедлѣнно за его другомъ. Другъ его Пиладъ къ нему приходитъ. Ахъ любезной другъ! сказалъ ему Оронтъ, по сердечномъ облобызанїи, я умираю и оставляю тебѣ все то, чемъ Богъ благословилъ меня; и оставляю тебѣ моего сына, коего ты возпитай въ благонравїи, жену мою, неимѣющую пропитанїя, призри: ибо ты достоинъ того, чтобъ они тебѣ принадлежали.

XXIV. Благодѣянїе.

Преславно есть разточать сокровища свои на вспоможенїе утѣсненнымъ, и похвально снабдѣвать не имущихъ, оставляя свои забавы.

Беата получивъ въ наслѣдство безчисленное множество золота, сказала: се благословенїе Божїе низпосланное мнѣ на помощь бѣдности.

Когда она сїе говорила, то подошелъ къ счастїю ея удрученный лѣтами старецъ, просилъ опираясь объ свой посохъ небольшую милостину.

Сердце ея наполнилось сожалѣнїя, и возчувствовало прямо нужду неимущества. Она заплакала, пошла и сунула нищему заплеснѣвелой кусокъ хлѣба.

XXV. *Безмѣстной.*

Нѣкто будучи безъ мѣста просилъ большаго боярина, которой былъ въ великой силѣ, постараться принять его въ службу, и зная, что находится одно порожнее мѣсто, подалъ объ немъ благодѣтелю своему прошенїе. Онъ прочиталъ его съ удовольствїемъ, и взявъ за руку просителя сказалъ: Я сожалѣю, что не зналъ тебя прежде; я люблю и почитаю разумныхъ людей, и ты заступишь конечно сїе мѣсто.

Онъ сталъ по томъ съ нимъ разговаривать, и изъ рѣчей его примѣтилъ, что онъ довольно имѣетъ разума и учености для отправленїя сего чина и достоинъ повелѣвать другими.

Ахъ! сказалъ ему съ радостнымъ удовольствїемъ его покровитель, теперь то я тебя прямо узналъ, и мѣсто сїе отъ тебя не уйдетъ; но заговорясь отъ радости вышелъ

онъ съ нимъ въ изумленіи за двери. Тутъ просилъ челобитчикъ принять отъ него кусокъ золота, для лучшаго успѣха въ его дѣлѣ. А, га! сказалъ сей великодушной господинъ, такъ не получишь же ты своего мѣста. Кто подарки даритъ, тотъ ихъ и принимаетъ. Въ тебѣ нѣтъ добросердечія. Сказавъ сіе, затворилъ онъ за собою двери.

XXVI. Лукавыя дѣвушки.

Двѣ дѣвушки жили у старой своей тетки, которая къ великому ихъ мученію всегда вставала на зорѣ. Какъ скоро лишь запоетъ на разсвѣтѣ петухъ, то и закричитъ она: вставайте дѣвушки; уже поздно! Петухъ поетъ уже и въ другой разъ, но они не могутъ еще опомниться отъ сна. Сказываютъ, что и всѣ дѣвушки великія охотницы спать и наряжаться. И такъ онѣ окутавшись въ мягкой своей постелѣ еще лежали, и вознамѣрились умертвить сего проклятаго петуха; да и въ самомъ дѣлѣ излуча время жестокою смертію ему отомстили.

Бѣдной петушекъ! я то же думалъ, что мщенія раздраженныхъ красавицъ никакая тварь избѣгнуть не можетъ; а гнѣвъ ихъ на себя навлечь весьма легко можно.

Петухъ уже управленъ. Тщетно старалася старуха употреблять строгїе свои поиски. Дѣвушки притворясь, что сего не знаютъ, бранили того, кто убилъ ихъ петуха, и обливались съ старухою по немъ горькими слезами.

Но чтожъ! помогло ли имъ ихъ лукавство? Вмѣсто того, чтобъ по смерти петуха получить себѣ облегченїе, мученїе ихъ еще болѣе увеличилось. Тетка, коя не буживала ихъ никогда до тѣхъ поръ, пока не запоетъ петухъ, не знаетъ теперь уже, какъ рано на дворѣ; и какъ по причинѣ ея старости никогда она не засыпалась и вставала въ полночь, то и дѣвушекъ сихъ, кои уходили петуха, чтобъ подолѣе поспать, съ собою же вмѣстѣ подымала.

* * *

Ежели бы ты столь былъ разуменъ, чтобъ сносилъ терпѣливо малыя несчастїя, тобъ рѣдко принужденъ былъ терпѣть большїя.

XXVII. Епиктетъ.

Ежели желаешь ты имѣть спокойной духъ, то научись побѣждать себя по примѣру Стоиковъ, и думай твердо, что чувства тебя соблазняютъ, и что болѣзнь въ самомъ дѣлѣ не болѣзнь, а удовольствїе не есть удовольствїе.

Коль скоро будешь ты такъ разсуждать, то не ослѣпитъ тебя ни какое счастіе, и никакое мученіе спокойствія твоего не нарушитъ. Ты говоришь, что трудно сіе разумѣть, и можно ли еще повѣрить гордому сему стоическому ученію? Сіе тебѣ тотъ часъ будетъ доказано примѣромъ Епиктета. Сей Епиктетъ былъ сперьва невольникомъ, и господинъ билъ его нѣкогда весьма больно палкою по ногамъ. Государь мой, сказалъ ему сей философъ, перестань меня бить, ты переломишь мнѣ ногу; хорошо, отвѣчалъ ему господинъ, когда я еще не переломилъ, такъ теперь же и переломлю; а потомъ переломилъ онъ ее и въ самомъ дѣлѣ. Но Епиктетъ вмѣсто того, чтобъ сожалѣть, началъ спокойно ему говорить: вотъ смотри теперь! не говорилъ ли я тебѣ, что переломишь ты мнѣ ногу?

Вотъ читатель, что можетъ произвести премудрость Ценона. Побѣждай природу сими крѣпкими основаніями. И ежели хочешь ты быть всегда спокоенъ, то помышляй великодушно, что веселіе не есть веселіе, а печаль въ самомъ дѣлѣ не печаль. Но ты говоришь: ежели я почувствую когда противное, то могу ли быть сего мнѣнія? Я и самъ етого не знаю; однакожъ скажу безъ сомнѣнія: преодолѣвай природу и будь всегда терпѣливъ.

XXVIII. Ельпинъ.

Нѣкто знатный въ Аѳинахъ господинъ, которой не имѣлъ ни какого другаго достоинства кромѣ того, что держалъ богатой столъ и напитки, и не позабывалъ еще при томъ возвышать своего роду, желалъ у всѣхъ быть въ почтенiи, какъ будто въ самомъ дѣлѣ имѣетъ онъ великiя дарованiя. Таковой человѣкъ, ежели бы не былъ возвышенъ своими предками, былъ бы гораздо глупѣе слуги своего Христофора находясь на его мѣстѣ; онъ старается тѣмъ болѣе о прiобрѣтенiи себѣ славы и чести, чемъ дорзновеннѣе становится гордое его сердце, и чемъ чаще повторяетъ оно ему, что онъ того не достоинъ.

Въ семъ же городѣ жилъ одинъ стихотворецъ, которой выхвалялъ прямыя достоинства, возвышалъ пѣснопѣнiемъ своимъ добродѣтель и предавалъ ее безсмертной памяти. Ельпинъ просилъ его сочинить ему похвальную пѣснь. Ты можешь, говорилъ онъ ему, приобрѣсть и себѣ именемъ моимъ великую славу.

Государь мой, отвѣтствовалъ ему стихотворецъ, сего мнѣ сдѣлать не возможно; я привыкъ по своенравiю моему прославлять достоинства, а не одно только имя.

XXIX. ГОСПИТАЛЬ.

Ельмира овдовѣвъ закаялась болѣе выходить за мужъ. Однакожъ была она молода; не уже ли ей сидѣть вдовою? Я думаю, что выдетъ она за мужъ, вить вдовье состоянïе гораздо хлопотливо. Ельмира подумавъ о семъ приступаетъ къ другому браку. Первое ея замужство не очень было удачливо, по тому что нынѣ такiя времена, въ которыя рѣдко добринькаго муженька сыскать можно; и такъ Ельмира, при выходѣ своемъ за другаго мужа, положила обѣщанïе построить для бѣдныхъ людей госпиталь, ежели будетъ она замужствомъ симъ счастлива. По томъ выходитъ она за мужъ.

О какая радость послѣдовала за претерпѣнною грустïю! Мужъ ея былъ любезнѣйшïй человѣкъ! Онъ былъ столь смиренъ какъ дитя, услужливъ какъ любовникъ, и помышлялъ только единственно о ея забавахъ. Какого же ей лучше сего мужа желать можно.

Она приказала тотъ часъ строить госпиталь, и по прошествïи мѣсяца положено было основанïе. Скоро уже и нижнее жилье подымать станутъ; но нѣтъ. Ельмира приходитъ и приказываетъ каменьщикамъ съ великою досадою его оставить. Что! развѣ замужство опять ея опечалило? Не льзя статься, вить она не давно вышла еще за мужъ. Но какъ бы то ни

было, а строенїе оставлено. Полгода по томъ спустя мужъ ея умеръ. О бѣдной человѣкъ!

Ельмира клянется всякими клятвами, что уже больше не пойдетъ за мужъ; но по прошествїи года (вѣть строенїе то должно окончать) рѣшилась она опять на замужство.

Теперь то имѣетъ она достойнаго супруга! разуменъ, нѣженъ, учтивъ, сговорчивъ и мягкосердъ; вмѣсто того, что перьвой повелѣвалъ, онъ ее о томъ проситъ, и почитаетъ взоры ея за повелѣнїе; короче сказать, въ нихъ была одна душа и одно сердце.

Бѣдная женщина! Я радъ, что выбрала она такого мужа. Однакожъ она ему недовѣряетъ, и не вдругъ принимается опять за строенїе. Я ее за то похваляю, да и самъ бы то же самое сдѣлалъ будучи на ее мѣстѣ; можно ли ей такимъ супостатамъ повѣрить, когда уже два раза была ими обманута; но по прошествїи полугода находитъ она супруга своего столь же достойнымъ любви, каковымъ онъ былъ и въ тотъ день, какъ стоя и предъ олтаремъ клялся хранить въ сердцѣ своемъ нѣжную къ ней любовь. Строенїе опять продолжается. Ельмира выходитъ и какая радость показывается на лицѣ ея! Поспѣшайте други, говоритъ она работникамъ, отстроить сей домъ! Вы со мною подрядились, и деньги отъ меня въ задатокъ получили; созовите

побол҇ѣе работниковъ. Дѣло идетъ не худо и я не могу довольно сему нарадоваться. Видно, что мужъ весьма ее любитъ.

Каменьщики весьма поспѣшно работали, и около шести недѣль окончали нижнее жилье. Но Ельмира опять приходитъ. Можетъ быть хочетъ она сдѣлать имъ выговоръ, что не прилѣжно они работаютъ и шатаются безъ дѣла, или посмотрѣть, нѣтъ ли въ строенiи какой ошибки. Ето бы мнѣ и самому досадно было. Вотъ уже она говоритъ? мы услышимъ что она скажетъ. Ахъ! начинаетъ она жестоко кричать: перестаньте строить, и размечите етотъ проклятой домище, не кладите болѣе на него ни одного кирпича. Для чего я трачу мои деньги? для мужей, кои женамъ только мученiе причиняютъ! Нѣтъ хорошихъ мужей на свѣтѣ!

Злая женщина! надобно на ее пожаловаться.

XXX. *Печальной вдовецъ.*

Въ провинцiи Поату хоронилъ мужъ жену свою; (я объявляю объ имени мѣста для того, чтобъ увѣрить въ истиннѣ сего приключенiя тѣхъ, коихъ и самой малой недостатокъ обстоятельствъ въ сомнѣнiе приводитъ) примѣтьте же, что ето было въ Поату. Тамъ отправля-

ютъ погребальные обряды не столь великолѣпно, какъ у насъ, и надѣвъ на усопшаго холстинной саванъ, несутъ его тотъ часъ непокрытаго на кладбище. Такимъ же образомъ несли и сiю женщину въ гробу ни чемъ не покрыту; но чтожъ сдѣлалось, когда ее такъ несли? Дорога лежала весьма блиско подлѣ кустарника, и одинъ сукъ зацѣпивъ за гробъ, укололь ее въ подбородокъ. Вдругъ открыла она свои глаза, и закричала по томъ: куда вы меня несете? Кажется мнѣ, что многiя спросятъ меня, какимъ образомъ ожила ета женщина? И не почелъ ли себя мужъ совершенно счастливымъ, увидя свою жену, которую смерть прежде его лишила было жизни? Не чрезвычайно ли онъ сему обрадовался?

Радость сiя тотъ часъ будетъ извѣстна: жена его поживши съ нимъ семь лѣтъ опять умерла; и какъ несли ее хоронить, то мужъ, по крестьянскому ихъ обыкновенiю, шелъ подлѣ гроба. Но коль скоро увидѣлъ онъ опять кустарникъ, то возтрепетало его сердце. Онъ поднявъ со слезами свои руки вскричалъ: ахъ, здѣсь то ето было! не подходите близко къ сему кустарнику.

XXXI. ТАТАРСКIЙ КНЯЗЬ.

Татарскiй Князь, о которомъ исторiя со славою упоминаетъ, объѣздилъ всѣ Европейскiя

государства; и желая вскоренить въ подданныхъ своихъ болѣе роскоши, приказалъ, чтобъ ни одна знатная женщина не кормила грудью своего дитяти. Женщины только сему смѣялись; они кормили дѣтей по прежнему своему обыкновенію, и разсуждали, что должно послѣдовать въ семъ природѣ и своимъ предкамъ. Ханъ увѣдомившись о семъ разгнѣвался, и приказалъ обнародовать столь строгой указъ, что ежели знатныя женщины не будутъ имѣть для дѣтей своихъ кормилицъ, то лишены будутъ жизни. Хотя они, будучи симъ угрожаемы, и приняли къ себѣ кормилицъ, однакожъ не могли возпротивиться природной склонности, чтобъ не кормить ихъ своею грудью.

Въ одно время, какъ Ханъ сей былъ одинъ, прибѣжала къ нему знатная женщина со шпагою, и возпалена будучи благороднымъ гнѣвомъ ему сказала: ежели ты не уничтожишь своего приказанія объ нашихъ дѣтяхъ, то теперь же лишу я тебя жизни. Я имѣю для того груди, чтобъ кормить мнѣ самой, и сіе приноситъ мнѣ удовольствіе. Но ежели ты запретишь намъ, Государь, исполнять сей естественный долгъ, то и звѣри намъ предпочтены быть могутъ.

Ханъ изпугался, и для пощады своей жизни, престалъ онъ вводить въ орды свои Европейскіе обычаи.

XXXII. МОЛОДЫЙ ПРИНЦЪ.

Молодый Принцъ будучи любимъ своимъ дядею, получилъ отъ него двѣсти пистолей съ тѣмъ наставленїемъ, чтобы разточалъ онъ ихъ съ благоразумїемъ.

По прошествїи нѣсколько времени пришелъ онъ къ своему дядѣ, которой поговоривъ съ нимъ спросилъ его, въ пользу ли онъ употребилъ данныя ему деньги. Вотъ, отвѣтствовалъ ему съ удовольствїемъ молодой Принцъ, вотъ онѣ еще всѣ цѣлы, и я ничего изъ нихъ не истратилъ.

Дядя взявши тотъ часъ у него деньги, бросилъ ихъ на улицу. Научись изъ сего, сказалъ онъ ему по томъ, употреблять деньги съ лучшею пользою: Государь для того много имѣетъ у себя денегъ, чтобъ многихъ ими снабдѣвать.

XXXIII. НОВОБРАЧНЫЕ.

Послѣ жестокаго препятствїя и великой опасности, кои претерпѣвала и оплакивала прежде сего нѣжнолюбящаяся чета, соединило ее на конецъ теперь счастїе; и ежели можно почесть благополучїе награжденїемъ за добродѣтель, то они чрезъ постоянную свою любовь весьма онаго достойны были.

Прежде сего цѣловалися они съ робостїю такъ какъ любовники, а нынѣ прекратя ненавистную хитрость друзей и гнѣвъ своихъ родителей, обнимаются безбоязненно такъ какъ супруги. Ктожъ теперь по долговременномъ ихъ страданїи можетъ почесть себя счастливѣе? Ибо ежели кто любя ощущаетъ взаимную любовь, и наслаждаяся жизнїю въ нѣжныхъ объятїяхъ, не почитаетъ сего за щастїе, то уже и на свѣтѣ его сыскать не можно. Я ударюсь объ закладъ, что нѣкоторые внутренно негодуя на меня говорятъ: ты бѣдной человѣкъ ошибаешся, по тому что ежелибъ любовь въ самомъ дѣлѣ составляла благополучїе, такъ развѣ бы я, имѣя подлѣ боку прелестную жену, не былъ спокоенъ? Развѣ она не богата и не красавица? Однакожъ я не доволенъ. Я етому вѣрю, любезный другъ; но ежели жениться такъ, какъ и многїе женятся, то любви тутъ быть не можетъ. Сїе называется соединить два разнонравныя сердца не въ одномъ тѣлѣ, но въ одномъ домѣ.

Неожидаемое счастїе имъ привѣтствуетъ. Колико нѣжная любовь слезъ въ нихъ производитъ! Бѣдной супругъ принужденъ былъ разстаться на малое время съ дражайшею своею супругою, по тому что свойственникъ его жившїй въ отдаленномъ городѣ сдѣлалъ его по смерти своей наслѣдникомъ.

Оставляя прелестныя уста горѣли желанїемъ продолжать нѣжные поцѣлуи, и говоря другъ другу томнымъ языкомъ, простилися испуская тяжелые вздохи.

Онъ сѣвши на корабль оглядывался назадъ безпрестанно, а Дорида стоя на берегу провожала жалостными взорами любезнаго своего Дамона. О небо! взываетъ она, возврати благополучно назадъ любезнаго моего мужа.

Онъ доѣхалъ до желаемаго имъ мѣста, и увѣдомляетъ на каждой почтѣ Дориду, что скоро назадъ возвратится. Лишь только получилъ онъ свое наслѣдство, какъ поспѣшаетъ опять сѣсть на корабль, и чтобъ обрадовать супругу свою нечаяннымъ приѣздомъ, увѣдомляетъ ее, что сверьхъ чаянїя своего, прежде нежели увидитъ онъ себя въ ея объятїяхъ, долженъ остаться еще тамъ на недѣлю. Молодая супруга, которой домъ не далеко лежалъ отъ моря, выходила всегда при захожденїи солнца прогуливаться на берегъ; и теперь пошла она тудажъ съ своею приятельницею, которая принимала и въ радости и печали ея участїе.

Онѣ разговаривали между собою. А о чемъ? Ежели ты не можешь догадаться, о чемъ вѣрная супруга утомленная ожиданїемъ говоритъ, такъ не достоинъ ты знать слѣдующаго содержанїя. Нѣтъ, нѣтъ, да умолчитъ пѣснь моя

возпѣть нѣжные разговоры Дориды! Сердце чувствующее любовь и само собою ихъ внемлетъ, а для другихъ описывать не нужно.

Въ то время какъ говорила Дорида съ радостнымъ возклицанїемъ о возвращенїи своего супруга, и о гостепрїятїи, съ какимъ она его встрѣтить намѣрена; когда разсказывала она о своемъ наслѣдствѣ, и помышляла различнымъ образомъ устроить свое благополучїе, оплакивая при томъ съ преизполненными благодарности слезами того, которой отказалъ имъ свое именїе; въ то время какъ мысленно кормила она бѣдныхъ, оказывала матернее милосердїе сиротамъ, старалась уврачевать болящихъ и вспомоществовала въ темницѣ заключеннымъ; въ то самое время, какъ располагала она своимъ наслѣдствомъ, и углубясь въ счастїи приближилась къ берегу, сказала ей ея прїятельница: что ето плыветъ по морю? Кажется, что ящичекъ? Ахъ ежели бы онъ былъ полонъ драгоцѣнныхъ вещей? Ахъ Дорида! какое бы ето было богатство! однакожъ вить я его прежде увидѣла, и ежели приплыветъ онъ къ берегу, такъ мнѣ онъ достанется; но я знаю, что ты скоро разрѣшишся отъ бремени, и уже разумѣется, что я буду у тебя кумою, то подарю тебѣ изъ него три нитки жемчугу.

Дорида отвѣтствовала ей такими же шутками. Но коль ужаснулися онѣ, когда увидѣ-

ли вмѣсто ящичка, приближающееся къ нимъ мертвое тѣло! Можетъ статься, сказала Дорида съ наполненными глазами слезъ, можетъ статься, что сей погребенный въ волнахъ, былъ одинъ только сынъ престарѣлыхъ своихъ родителей? Можетъ быть, что отягощенные бременемъ старости его родители ожидаютъ съ нетерпѣливостїю его прїѣзда, и радуяся сему мысленно избираютъ ему невѣсту, а избравъ тщательно для него соблюдаютъ? Избави боже видѣть ихъ печальное сїе зрѣлище! Кто увѣритъ меня, что смерть не похитила его у вѣрнѣйшей супруги, которая и собственно свое несчастїе и сиротство дѣтей своихъ въ неимуществѣ должна оплакивать? Кто знаетъ, колико пролилъ онъ предъ смертїю своею слезъ возпоминая бѣдную жену свою? Пойдемъ, сказала она своей прїятельницѣ, пойдемъ съ сего печальнаго мѣста, дабы сердце мое болѣе не трепетало. Лишь только она пошла, какъ волна выкинула на берегъ мертвое тѣло, на которое взглянувъ ея прїятельница закричала изо всей силы: ахъ другъ мой! и тотъ часъ подлѣ его упала.

Дорида услышавъ сей крикъ, прибѣжала подать ей помощь. Ахъ, Дорида! что ты увидишь? Она увидѣла любезнаго своего мужа, и упавъ на него окончала жизнь свою. Между тѣмъ опамятовавшись ея прїятельница, увѣдомила всѣхъ сосѣдовъ о семъ удвоенномъ зло-

получіи, при чемъ ужасалися тѣ, кои никогда не чувствовали страха, да и самыя жестокія сердца не утѣшно рыдали. Никто не спрашивалъ о причинѣ сего приключенія, по тому что зрѣлище сіе само собою оное открывало.

* * *

Оплакивайте соболѣзнующія сердца, печальное приключеніе несчастныхъ сихъ нѣжныхъ супруговъ, и вкусите благополучіе сожалѣя о потерѣ другихъ. Представляйте себѣ чаще невинность въ величайшемъ несчастіи, и сострадайте въ постороннихъ напастяхъ такъ какъ и въ собственныхъ; состраданіе сіе освятитъ наши сердца, и возбудитъ человѣколюбіе, которое и въ самомъ несчастіи насъ украшаетъ.

XXXIV. Юноша.

Юноша слышавъ многократно объ одномъ городѣ, въ которомъ обитаетъ благодать Божія, вознамѣрился въ немъ поселиться. Тамъ, говаривалъ онъ много разъ, буду я наслаждаться благополучіемъ. Онъ отправился въ путь и видитъ уже сей любезный градъ лежащій на горѣ. Слава Богу, вскричалъ онъ, что я его уже увидѣлъ. Однакожъ гора весьма крута. О если бы онъ на нее взойти могъ!

При подошвѣ сей горы находилась плодоносная долина, въ которой великое множество произрастающихъ прекрасныхъ плодовъ представилось глазамъ его. Онъ размышлялъ такъ: путь мой продолжителенъ и труденъ, такъ наполню я котомку мою сими плодами для утоленія жажды. И какъ нашелъ онъ въ нихъ изрядной вкусъ, то нащипалъ овощу сего великое множество.

По томъ сталъ онъ подыматься на гору, но будучи отягощенъ, упалъ на задъ въ долину. О юноша, вѣщаетъ ему нѣкто съ сей высоты, путь къ намъ тягостенъ, гора сія крута, и каждой шагъ переступить трудно, а ты еще и бремя на себя возлагаешь? Не возможно достигнуть тебѣ сея вершины, если не оставишь ты обременяющихъ тебя плодовъ. Облегчи себя, ободрись и усугубь свои труды, ибо благополучїе наше достойно оныхъ.

Онъ нѣсколько поднялся, и взглянувъ на гору видитъ, что много еще ему всходить должно. Ахъ сколь далекъ его путь! По томъ остановился онъ отдохнуть, и началъ ѣсть плоды для услажденія труда своего. Часто посматриваетъ онъ въ долину и на гору; первая представляетъ глазамъ его удовольствїе, а послѣдняя тяжкой трудъ. Онъ началъ размышлять. Изрядно, пускай его подумаетъ. Всходи, гласитъ ему разумъ, и стяжи твое бла-

гополучїе. Нѣтъ, говоритъ ему на противъ того сердце, возвратись въ долину; ибо трудъ сей выше силъ ты своихъ предпринимаешь; успокойся въ оной, поѣшь и подожди пока почувствуешь къ предпрїятїю сего пути довольно крѣпости. Сїе онъ изполнилъ, и услаждаяся въ долинѣ, чувствовалъ всегда въ себѣ слабость, когда покушался ее оставить. Препятствїе сїе удерживало его всякой разъ; однимъ словомъ, онъ позабылъ о своемъ благополучїи, и оставилъ городъ.

* * *

Многїе Христїане подобны сему юношѣ. Они направляя ноги свои на путь добродѣтели, совращаются по томъ къ сластолюбїю, и берутъ его съ собою. Отяготившись симъ препятствїемъ, не повинуются уже унылому своему духу, и пристрастившись къ плотскимъ похотямъ, позабываютъ помышлять о безконечномъ благѣ.

XXXV. Ерастъ.

Дорантъ, богатый человѣкъ, не имѣя послѣ себя наслѣдниковъ кромѣ одного только племянника, которой былъ богатѣе его и никому добра не дѣлалъ, вознамѣрился при смерти своей отказать имѣнїе свое, двадцать тысячь талеровъ, Ерасту, по тому что онъ былъ того достоинъ.

Племянникъ увѣряя всякими неправдами людей, что будто сей честной человѣкъ Ерастъ духовную у дяди его выманилъ, сталъ домогаться сего имѣнія, и побуждаясь завистію и сребролюбіемъ задобрилъ онъ судей подарками и обвинялъ его предъ ними жестокими клеветами; но хотя взятки и часто виноватаго оправдаютъ, однакожъ сей разъ побѣды своей не одержали.

Ерастъ получивъ наслѣдство, сказалъ своему сопернику: чтобъ увѣрить тебя, справедливо ли владѣю я наслѣдствомъ, то, какъ скоро я получу, тотъ часъ и раздѣлю его; я даю тебѣ половину для твоего изобличенія, двѣ тысячи возьму себѣ, а послѣднее раздамъ неимущимъ. Еще ли достоинъ я твоего подозрѣнія, что получилъ духовную обманомъ?

XXXVI. Лошадь и оселъ.

Бодрая и рѣзвая лошадь будучи украшеніемъ своего рода и увеселеніемъ своего хозяина, спотыкнулась (ибо сколь легко проступиться можно) бѣжавъ въ великой запальчивости. Лѣнивой оселъ увидѣвъ сіе, засмѣялся и сказалъ: ктобъ извинилъ меня, еслибъ сдѣлалъ я такую же ошибку? Я хожу весь день и никогда не спотыкаюсь. Молчи, отвѣчала ему лошадь, дарованія твои столь бѣдны, что ты и ошибки моей сдѣлать не можешь.

XXXVII. КОТИЛЛЪ.

Котиллъ былъ нѣкогда, такъ какъ и многимъ случается, безъ дѣла, и хотя не было у него работы, однакожъ не желалъ онъ быть празденъ; ибо быть безъ дѣла, ежели кто точно сего не знаетъ, гораздо скучнѣе, нежели работать. Онъ пошелъ за городъ, и идучи сталъ катить колесо. Народъ увидя сїе закричалъ: смотри что дѣлаетъ етотъ дуралей, конечно онъ сошелъ съ ума; онъ и руки такъ какъ и ноги отягощаетъ; смѣйтесь ему ребята. Котиллъ на сїе не досадовалъ. Довольно того, что сїе ему самому нравилось, и онъ шелъ таки своею дорогою. Пускай говорятъ что хотятъ, однакожъ онъ идучи продолжалъ оборачивать свое колесо.

Что ето за чертовщина! вскричалъ одинъ изъ зрителей, посмотрите, ето настоящее колесо! Попытаюсь ка я и самъ его повертѣть. Какъ скоро онъ опробовалъ, то сказалъ: теперь вижу я, сколько оно полезно. Ето колесо довольно уменьшаетъ труда, и тотъ человѣкъ, которой сїе выдумалъ, не такъ глупъ, какъ объ немъ думали. На другой день узналъ выдумку сїю еще одинъ, и на конецъ число ихъ весьма умножилось. По томъ перестали уже сему смѣяться, и разспрашивали объ имени изобрѣтателя съ великою похвалою.

* * *

Старайся испытывать все, какъ бы что за глупо ни почитали. Хотя сперва и почтутъ тебя дуракомъ, такъ какъ и Котилла, однакожъ похвала твоя чрезъ то не умалится. Будь только терпѣливъ, и не щади своихъ трудовъ. Глупой можетъ всегда найти большаго себя глупца, которой бы выхвалялъ его прозорливость.

XXXVIII. Неустрашимое намѣреніе.

Нѣкто честной солдатъ убилъ пьяной (ибо чего пьянство не дѣлаетъ?) своего хозяина, и за сіе злодѣяніе выведенъ онъ былъ на позорище, гдѣ приговорено было отсѣчь ему голову. Онъ былъ собою пригожъ, и всякой, кто на него ни смотрѣлъ, сожалѣлъ объ его безчестной смерти, и желалъ ему прощенія отъ Государя. Пуще всѣхъ сожалѣла объ немъ одна старая дѣвка, коя чѣмъ болѣе на него смотрѣла, тѣмъ болѣе чувствовала въ себѣ склонности къ состраданію и человѣколюбію. Ахъ небо! говорила она, какая вѣчная для него пагуба! пригожей и взрачной человѣкъ! какое нѣжное лицо, и какіе глаза! какой прекрасной окладъ лица его! и какія стройныя ноги! Наказаніе въ самомъ дѣлѣ для него велико. Не позабываетъ ли человѣкъ самъ себя въ пьян-

ствѣ? Я его выпрошу, я освобожу его. Она побѣжала и стала объ немъ просить, когда уже онъ стоялъ на колѣняхъ. Послѣ сего сказалъ судья сему осужденному: вотъ выбралась здѣсь честная женщина, которая желаетъ вытти за тебя за мужъ; и ежели ты на ето согласенъ, то дарую я тебя жизнїю.

Солдатъ испугался, увидѣвъ сїю дѣвку, которая подошла къ нему, желая его поднять. Услуга твоя велика, сказалъ онъ ей, но ежели я и останусь живъ, такъ будешь мучить ты меня во всю жизнь мою. Я вижу какова ты; и для чегожъ я долго думаю? Руби! симъ избавлюсь я вдругъ отъ мученїя.

XXXIX. *Молодой ученой.*

Молодой человѣкъ обучаясь довольно времени, и имѣя, по прозорливому разсужденїю его родителей, высокое о вещахъ понятїе, просилъ одного старика увѣдомить его о такихъ сочиненїяхъ, которыя бы научали разсуждать твердо и остроумно, имѣли бы хорошей вкусъ.

Старикъ весьма былъ сему радъ и началъ выхвалять ему Омира, Платона, Цицерона и множество другихъ старыхъ и новыхъ времянъ писателей, кои блистая вѣчно возложенными на нихъ священными лавровыми вѣнцами стихотворства и краснорѣчїя, украшаютъ юношество.

О! я уже, отвѣчалъ юноша съ гордою насмѣшкою, почти всѣхъ ихъ прочиталъ, но . . . . Хорошо, прервалъ рѣчь его старикъ, и ежели онѣ тебѣ понравились, то прочти ихъ еще; но ежели нѣтъ, такъ по крайней мѣрѣ не сказывай о семъ разумнымъ людямъ, по тому что узнавъ они недовольный твой вкусъ, присовѣтуютъ тебѣ читать площадныя сказки.

XL. *Молодая Дѣвушка.*

Молодой человѣкъ просилъ чрезъ приятеля своего нѣкотораго честнаго старика, чтобъ выдалъ онъ за него дочь свою. Хотя старикъ и не хотѣлъ еще выдать дочери, однакожъ былъ чрезвычайно сему радъ и просилъ свата сего съ великою ласкою у себя отобѣдать.

Сколь ни старался отецъ сїе скрывать, но дочь его тотъ часъ догадалась. Какъ? батюшка унимаетъ чужаго человѣка у себя обѣдать, чтобъ ето такое значило? Пускай мнѣ до етаго нѣтъ нужды; однакожъ не даромъ онъ передо мною такъ низко изгибаетея. Конечно онъ для меня сюды пожаловалъ?

Гость желая получить успѣхъ въ своемъ дѣлѣ; отважился еще, когда поднесли имъ по рюмкѣ водки, завести рѣчь о своемъ другѣ. Государь мой, перервалъ отецъ рѣчь его, не

подумайте, чтобЪ поступалЪ я жестоко сЪ моею дочерью; рано ей еще итти за мужЪ, по тому что она молода, и только ей еще четырнадцать лѣтЪ.

ВЪ то время, какЪ онЪ говорилЪ, ставила дочь его на столЪ кушанье. Она услышавЪ сїе закричала: что вы сказали батюшка? конечно вы обмолвились, что мнѣ четырнадцать лѣтЪ? НѣтЪ, мнѣ уже четырнадцать лѣтЪ и семь недѣль. ЧтожЪ, отецЪ не выдалЪ таки ее за мужЪ? Я не знаю; но нѣтЪ я скажу, по тому что можетЪ быть между тѣми, кои меня спрашиваютЪ, есть и молодыя дѣвушки; и такЪ для успокоенїя ихЪ откроюсь я чистосердечно: отцу стало стыдно и онЪ помолвилЪ дочь свою.

XLI. *ДВА МАЛЬЧИКА.*

ДвухЪ мальчиковЪ разнаго возраста выманила ранняя весна вЪ то время, какЪ учитель ихЪ можетЪ быть спалЪ, изЪ скучной ихЪ горницы вЪ садЪ, и они вырвавшись прибѣжали кЪ одной ямѣ, вЪ которой снѣгЪ еще не растаялЪ. АхЪ братецЪ, сказалЪ меньшой мальчикЪ, какЪ ты думаешь, глубока ли ета яма? Я желалЪ бы . . . . . Что, желалЪ бы ты вЪ нее прыгнуть? отвѣчалЪ большой, ето очень безразсудно. Ежели ты прыгнешь, не зная

сколь она глубока, такъ можетъ быть ты въ ней и утонешь. Да что ето тебѣ за веселье бродить какъ маленькому ребенку по снѣгу и мочить платье; и ежели увидитъ тебя мокраго батюшка, то дастъ тебѣ добрую баню. Однакожъ никакое краснорѣчїе не могло удержать сего мальчика. Но можно ли въ снѣгу такъ скоро утонуть?,, Однимъ словомъ, онъ прыгнулъ въ яму, и сталъ въ оной разхаживать; но лишь только онъ озябши изъ нея выскочилъ и ушелъ, какъ и учитель тудаже послѣ его кинулся.

* * *

Сїе есть наставленїе строгихъ нравоучителей. Проповѣдуя свою систему и набивши голову правилами, увѣщеваютъ они убѣгать пороковъ столь бодро, какъ будто имъ ни мало похоти не извѣстны. Они гораздо насъ краснорѣчивѣе, и обязуютъ сердца свои насильствомъ силлогисмовъ. Глупость сїя насъ услаждаетъ, а самимъ имъ давно уже омерзѣла. Мы будучи чистосердечны не стараѣмся предъ другими скрывать наши пороки, въ коихъ мы находимся; но они стыдясь по учености своей впасть въ таковой же порокъ, въ каковомъ насъ осуждаютъ, впадаютъ въ него съ добродѣтелью своею только тогда, когда отъ насъ примѣчены быть не могутъ.

XLII. КРЕСТЬЯНЕ И ПРИКАЩИКЪ.

Искусный проповѣдникъ, которой приобрѣлъ великую похвалу за поученія свои въ городѣ, желая заступить мѣсто сельскаго попа, сказывалъ проповѣдь, коя сколь хороша ни была, однакожъ мужикамъ не понравилась. Нѣтъ, говорили мужики, покойной нашъ батька совсѣмъ былъ не таковъ; онъ былъ великой прошлецъ въ своемъ дѣлѣ, и толкуя намъ порядочно слово Божїе доказывалъ и по Гречески и по Еврейски; и святыхъ то отцовъ въ свидѣтельство приводилъ, а еретиковъ то проклиналъ, и такїя дѣлалъ онъ намъ увѣщеванїя, что всѣ мы на него глядя плакали.

Они сказали прикащику, что не хотятъ имѣть у себя сего попа. Да для чегожъ? спросилъ ихъ прикащикъ. Вить мы уже сказали здоровью твоему, отвѣтствовали мужики, что онъ не таковъ, какъ покойной нашъ батька.

Прикащикъ сталъ съ ними спорить, а проповѣдникъ увѣщевать. Но тщетно: они не слушаютъ. Хотя бы пришелъ и самъ Амфїонъ движущїй горы и деревья, то и тотъ бы мужиковъ уговорить былъ не въ состоянїи. Однимъ словомъ, прикащикъ принужденъ былъ ему отказать, по тому что всѣ остались упрямо въ своемъ желанїи.

Теперь пришелъ указъ. Я едва могу дождаться, пока прикащикъ его объявитъ, и ударюся объ закладъ, что мужикамъ не удастся сдѣлать по своей волѣ.

Указъ прочитанъ, въ которомъ помѣщикъ желаетъ принять въ свое село сего проповѣдника, а мужикамъ приказываетъ сдѣлать за грубости ихъ жестокой выговоръ.

Проповѣдникъ началъ увѣщавать мужиковъ, и сколь они злы ни были, однакожъ говорилъ онъ имъ кротко и благочинно. Къ чему ето, вскричалъ прикащикъ, говорить съ ними съ такою кротостїю? Ну вы безмозглые судьи, вы дровомѣли и борноволоки! послушайте! Мнѣ приказано вамъ объявить, чтобъ вы удовольствовались симъ проповѣдникомъ; скажитежъ теперь намъ, хотители вы его, или нѣтъ? Мужики улыбаясь ему отвѣтствовали: ахъ, со всей охотой полушны милости вашей.

XLIII. ЖЕНИХЪ.

Женихъ просилъ своего прїятеля высватать за него невѣсту. Я тебѣ скажу объ двухъ дѣвушкахъ, отвѣчалъ его прїятель, и ты выбери изъ нихъ такую, которая лучше тебѣ покажется.

Первая имѣетъ сверхъ своего помѣстья чрезвычайную красоту, разборчива, говоритъ весьма остроумно и знаетъ довольно языковъ; она играетъ на клавирахъ, изрядно поетъ и искусна въ живописи, да и въ домостроительствѣ не потеряетъ ни мало вещь въ рукахъ ея своего достоинства. Но при всемъ ея искусствѣ и дарованiяхъ не имѣетъ она добраго сердца.

Другая же хотя не столь прекрасна и богата, и не знаетъ тѣхъ наукъ, въ коихъ упражняется первая; но при разумѣ и тайныхъ прелестяхъ, коими не чувствуя она ихъ и сама всякаго заражаетъ, имѣетъ самое лучшее сердце удаленное отъ самолюбiя и скупости. Чтобъ ты сказалъ, если бы первая захотѣла за тебя выти? Ахъ? отвѣтствовалъ женихъ, ежели бы сiе случилось, то бы я для того отказалъ первой, чтобъ сдѣлаться достойнымъ другой.

XLIV. Емиль.

Емиль будучи знаемъ съ давнаго времени разумными людьми, упражнялся въ чтенiи книгъ, и не столько старался о полученiи чина, сколько объ искуствѣ управлять находясь въ ономъ. Другъ его нѣкогда спросилъ: для чего не стараешься ты вступить въ должность, когда

весъ городъ столь много тебя похваляетъ и когда уже находятся въ должностяхъ и тѣ, кои десятой доли противъ тебя не знаютъ? Я желаю, отвѣчалъ Емиль, чтобъ лучше спрашивали меня, для чего даютъ тебѣ жить безъ должности, нежели для чего дана тебѣ должность.

XLV. Мальчикъ.

Мальчикъ видя, что прилѣжной его отецъ часто смотритъ въ зрительную трубу, хотѣлъ и онъ научиться разсматривать движенїе свѣтилъ небесныхъ. Онъ стоя неподвижно предъ зрительною трубою, смотрѣлъ пристально на звѣзды; однакожъ не могъ онъ хорошо разсмотрѣть. Отъ чего ето, сказалъ по томъ мальчикъ, что я почти ничего разсмотрѣть не могу? А, га, теперь я догадался, что я еще сдѣлать позабылъ; батюшка мой иногда жмурится, а я етаго не сдѣлалъ. Не глупой ли я малой! Хорошо! теперь я знаю, что сдѣлаю. Вдругъ зажалъ онъ себѣ оба глаза, и сталъ смотрѣть въ трубу на звѣзды. Едакой дуракъ! Чтожъ онъ увидѣлъ? Все то, что увидишь и ты, когда желая познать въ тонкость Бога изъ священнаго писанїя, лишишься прежде разума.

XLVI. Лгунъ.

Вы искусные мастера лгать! вы хвалитесь своимъ остроумiемъ, что умѣете хитро обманывать; но сколь много вы симъ ни славитесь, однакожъ я ударюсь объ закладъ, что вы еще несовершенные обманщики. Вамъ покажется смѣшно, что негодной человѣкъ отнимаетъ у васъ сiе преимущество.

Въ Лондонѣ сидѣли въ тюрьмѣ два злодѣя осужденные на смерть. Тогда пришелъ къ нимъ анатомикъ, и сталъ у одного торговать его тѣло (*), однакожъ колодникъ сей сказалъ: чортъ меня возми, ежели я продамъ себя за толь малую цѣну.

Государь мой, закричалъ другой, для чего ты такъ къ нему привязался? Пускай же сухощавое его тѣло разклюютъ вороны. Посмотри, какъ я здоровъ, какъ жиренъ! Купи лучше меня. Да знаешь ли ты, какъ дешево себя и продамъ? Я не болѣе возму какъ три гульдена. Когда меня умертвятъ, такъ рѣжъ меня какъ хочешь, и мнѣ уже не больно будетъ. Лишь только лѣкарь деньги ему заплатилъ, какъ закричалъ высокоразумной сей колодникъ: оплелъ я тебя мой государь! какъ тебѣ меня взять можно, вѣть меня въ цѣпяхъ повѣсятъ.

(*) Въ Лондонѣ есть обыкновенiе, что лѣкари покупаютъ у осужденныхъ злодѣевъ ихъ тѣла.

XLVII. Женщина и духъ.

Въ старинныя времена, когда духи являлися въ полночь для вспомоществованія смертнымъ, появился въ бѣломъ платьѣ духъ передъ лежащею въ постелѣ женщиной, и приказалъ ей съ ласкою слѣдовать за собою на нѣкоторое пустое мѣсто. Здѣсь, сказалъ ей духъ, зарытъ великой кладъ; и такъ сними ты съ шеи платокъ, и брось на ето мѣсто, а завтре пришедши сюда ночью въ двенатцатомъ часу и примѣтя мѣсто сіе по платку начинай копать, но только не говори ни слова; коль же скоро ты выговоришь, то кладъ уйдетъ.

Въ слѣдующую ночь пришла женщина туда въ надлежащее время съ заступомъ. Видно, что довольно смѣла ета женщина. Я бы право не пошелъ, хотя бы дватцать кладовъ мнѣ обѣщали: кто увѣритъ меня, что я живъ буду? Ночью шататься опасно, а ежели духъ столь желаетъ быть для меня благосклоненъ, такъ можетъ онъ кладъ сей принести ко мнѣ и въ горницу.

Женщина о семъ ни мало не разсуждала, и побѣжала вырывать кладъ. Она говоритъ мысленно сама съ собою. Пожалуй не промолви ты ни слова, въ прочемъ лишишься вѣчно твоего клада. Она уже твердо молчать предпріяла, и начала копать весьма прилѣжно. А,

га, отъ ямы отдается звукъ! скоро дороется она до кладу. Вотъ уже онъ и разрытъ. Посмотрите, какой превеликой горшокъ полонъ золота! О ежели бы она теперь ничего не промолвила, и могла бы сыскать поскорѣй носильщика! Развѣ духа нѣтъ теперь на етомъ мѣстѣ? Онъ приходитъ и пособляетъ ей вытащить горшокъ изъ ямы. Ахъ, вскричала она, мнѣ стыдно, что я тебѣ столько труда ...... Кладъ пропалъ.

XLVIII. *Филинда.*

Филинда не отходила никогда отъ зеркала; ибо красавицъ отъ всего почти удержать можно, а отъ склонности къ разсматриванїю и удивленїю самое себя никто отучить не въ состоянїи. И сїя то есть насмѣшка, коею мужчины ихъ безпокоятъ. Однакожъ, дѣвушки смотритесь таки вы всегда въ зеркало; я желаю сердечно, чтобъ вы сїе продолжали. Чтожъ вамъ другое дѣлать? Развѣ только всегда талалакать, безумолкно смѣяться и безпрестанно поглядывать на своихъ обожателей? ето бы не стерпимо было.

Довольно того, что красавица сїя, о которой я теперь разсказываю, смотрѣлась въ зеркало безпрестанно; она украшала свою голову, и поправляла все, гдѣ ни малой ошибки не было.

Братъ ея, сочинитель, видя ее всегда передъ зеркаломъ, зачалъ надъ нею смѣяться. Довольно ли ты собою налюбовалась? говорилъ онъ ей, я увѣряю тебя, что ты очень прекрасна; но что ты безпрестанно на себя смотришь, такъ ето дѣлаешь ты изъ одного только тщеславія. Господинъ сочинитель, отвѣтствовала ему сестра, отвыкнемъ же мы оба: читать безпрестанно свои сочиненія, и смотрѣться всегда въ зеркало, есть одинакое тщеславіе.

XLIX. Альцестъ.

Альцестъ будучи угнѣтаемъ печалію, и не могши ни предаться порокамъ, ни раболѣпствовать богатымъ глупцамъ, жилъ со всею своею прилѣжностію и искуствомъ въ крайней бѣдности. Не давно всталъ по утру печаленъ. Другъ мой, не жалко ли ето тебѣ, что многіе разумные люди претерпѣваютъ для того только бѣдность, что искуснѣе они другихъ, и будучи не способны ни къ обманамъ, ни къ хитростямъ не могутъ быть тщеславны и вертопрашны и весьма удалены отъ рабскаго ласкательства?

О любезный другъ, пожалѣй объ Альцестѣ, коего утѣсняетъ теперь крайняя бѣдность; онъ бросаясь со стыдомъ отъ одной

книги къ другой, не можетъ позабыть своея горести; чѣмъ болѣе поучается онъ въ утѣшительныхъ наставленiяхъ, тѣмъ сердце его изпускаетъ болѣе тяжкихъ вздоховъ. Онъ сказалъ бодро самъ себѣ: живъ Богъ: владычествуетъ онъ и внемлетъ мои воздыханiя; сколь величество его ни чрезмѣрно, но призираетъ онъ и на птенцовъ врановыхъ, и такъ онъ снисходителенъ, и поможетъ онъ въ моей бѣдности. Хотя онъ сiе и говорилъ, но сердце ему вѣщало: какъ будешь ты продолжать впредь жизнь свою?

И самыя сильнѣйшiя его утѣшенiя не могли его ободрить; да и можно ли огорченное сердце успокоить вдругъ доказательствами? Хотя оно и справедливыя причины чувствуетъ, но обращается опять къ страданiю, коимъ и затмѣваетъ оныхъ дѣйствiя. Альцестъ вознамѣрился посѣтить своего друга, котораго онъ два дни не видалъ, и идучи дорогою говорилъ: онъ достоинъ услышать объ моей горести и раздѣлить ее со мною; когда я буду въ Дамоновыхъ объятiяхъ и съ нимъ поговорю, то терпѣнiе, кое для меня есть тяжкимъ бременемъ, не столь будетъ мнѣ несносно.

Онъ поспѣшаетъ къ нему съ такимъ чрезмѣрнымъ желанiемъ, какъ къ врачу болящей, которой едва можетъ ползти; но теперь лаская себя надеждою, идетъ скоро, и до тѣхъ

поръ не чувствуетъ болѣзни и не слышитъ въ себѣ одышки, пока увидитъ лѣкаря.

Въ семъ усердномъ желанiи обнять вѣрнаго своего Дамона, входитъ онъ къ нему на дворъ и поспѣшаетъ взойти на лѣстницу. Передняя его полна была людей. Ахъ Боже! что ето значитъ? Онъ вошедъ видитъ, что кладутъ Дамона на смертный одръ.

Альцестъ давъ послѣднее цѣлованiе усопшему своему другу, возвращается назадъ, и печали прерывающiя его спокойствiе мгновенно въ немъ изчезаютъ. Ба! для чего я безпокоюся? сказалъ онъ самъ себѣ. Ежели и мой вѣкъ столь же кратокъ, такъ какая мнѣ польза въ приобрѣтенiи блага мiра сего? И такъ буду я жить для того, чтобъ умереть съ веселiемъ. Господь питающiй всяку плоть низпошлетъ и мнѣ пропитанiе. И чтобъ учиниться достойнымъ его благости, да будетъ единственное мое попеченiе о приобрѣтенiи добродѣтели.

L. ЧУДНЫЙ СОНЪ.

Изъ нѣкоторыхъ старыхъ басенъ (я бы увѣдомилъ читателей какъ книга сiя называется, но зачальной листъ изъ нея выдранъ) которыя я часто въ помощь употребляю, ежели самъ ничего не могу выдумать; изъ сей то старой Нѣмецкой книги, оказавшей мнѣ уже

нѣсколько услугъ, хочу и выбрать себѣ сонъ.

Будучи я нѣкогда въ церквѣ, такъ начинаетъ авторъ по расположенію своему разказывать, вздумалъ вдругъ изпытать, кто изъ толикаго множества людей пришедшихъ въ храмъ сей для возсыланія молитвъ, есть всѣхъ богоугоднѣе? Въ сихъ мысляхъ сидя я заснулъ и увидѣлъ во снѣ духа покровителя сего храма. Онъ прикоснувшись къ лицу моему своею десницею, мнѣ рекъ: ты желаешь видѣть богоугоднѣйшее сердце? Отъ прикосновенія его почувствовалъ я тихое содраганіе, и вдругъ увидѣлъ себя въ божественномъ свѣтѣ стоящаго. Начинай ты, сказалъ онъ мнѣ, ходить по церьквѣ, и кто, будучи тронутъ твоимъ сіяніемъ, поцѣлуетъ тебя три раза, тотъ имѣетъ благочестивѣйшее сердце изъ всѣхъ здѣсь находящихся.

Я желая немедлѣнно узнать, пошелъ въ сіяніи семъ подлѣ самаго олтаря, и какъ я ходилъ взадъ и впередъ, то показалось мнѣ, что хотятъ меня поцѣловать. Я ждалъ довольно времени, но получилъ одинъ только непріятной поцѣлуй.

По томъ пошелъ я по придѣламъ, въ коихъ увидѣлъ набожнѣйшій видъ имѣющихъ, и все казалось мнѣ тамъ благочинно. Они усмѣхаясь приняли меня учтиво и съ нуждою поцѣловали мнѣ руку. Послѣ сего пошелъ я по-

казаться такимъ особамъ, кои имѣли доволь-но важности и глубокаго разума. Я остановился передъ ними, и они сдѣлали мнѣ такой видъ, что довольно уже на меня наглядѣлись: и такъ я пошелъ отъ нихъ безъ поцѣлуя.

Я показался низкаго состоянія людямъ; тутъ протянувъ многіе ко мнѣ руки по разу меня поцѣловали. Я долго искалъ глазами спрашивая, ахъ праведная душа! гдѣ ты находишься? Однакожъ никто обнять меня не отважился. Я возвращался съ великою печалію къ духу покровителю, желая увѣдомить его о печальной моей судьбѣ. Проходя трапезу, встрѣтился я съ дѣвушкою одѣтою въ худое платье, коя начала меня цѣловать вдругъ съ невинною радостію. И прежде нежели получилъ я отъ нея третей поцѣлуй, то почувствовалъ уже я столь сильно святое желаніе къ чистосердечію и человѣколюбію, что я никогда еще таковаго не чувствовалъ. Возможно ли, вскричалъ я, чтобъ такая дѣвка, на которую едва люди взираютъ, имѣла благочестивѣйшее сердце? выговоривъ сіе проснулся.

LI. Полигисторъ.

Къ нѣкоторой рѣкѣ, чрезъ которую и всѣмъ намъ, какъ бы нечаль наша еще ни увеличилась, переѣзжать должно, пришелъ замарав-

шійся книжною пылью высокоученой человѣкъ, и поспѣшалъ сѣсть въ лодку Харона. Добро пожаловать, сказалъ ему Харонъ, облокотясь объ веслы и зѣвая при семъ привѣтствіи во весь ротъ. Кто ты таковъ, доброй человѣкъ? Я Полигисторъ, отвѣтствовала тѣнь, къ которому всѣ училища имѣли почтеніе.

Въ то время, какъ стоялъ онъ подлѣ лодки Хароновой и говорилъ о знаніи своемъ въ языкахъ, болталъ объ ученыхъ вракахъ и разсказывалъ о своихъ толстыхъ въ четверть листа писанныхъ книгахъ, пришла еще одна тѣнь съ преизполненнымъ видомъ кротости.

А ты кто, спросилъ Харонъ, не такой же ли премудрой?

Я весьма сомнѣваюсь, отвѣтствовалъ сей человѣкъ, чтобъ достоинъ я былъ такой славы. Я ничему другому не учился кромѣ изпытанія внутренности моего сердца, которое часто меня соблазняло, и въ семъ желалъ я найти какъ собственное, такъ и другихъ людей спокойствіе; но сколь много я о семъ ни размышлялъ, и сколь разумъ мой ни постигалъ онаго, однакожъ не болѣе я въ семъ успѣлъ, какъ только могъ обличать себя въ своихъ порокахъ.

Полигисторъ услышавъ сіе засмѣялся, и сталъ было напередъ садиться въ лодку. Постой! закричалъ ему съ досадою Харонъ, мнѣ

надобно посадить сперьва сего разумнаго человѣка, по тому что такого мнѣ едва во сто лѣтъ перевезти удастся; но отъ такихъ гордыхъ Полигисторовъ, какъ ты, руки уже мои почти не владѣютъ.

LII. Соловей и Кукушка.

Соловей возпѣвалъ божественную свою пѣснь, и желалъ чрезъ то знать, приятны ли людямъ его пѣсни. Мальчики играющіе въ долинѣ продолжали игру свою, и не внимали его гласу. Въ то время закуковала съ удовольствіемъ кукушка, и они вскричали съ радости, ахъ! а по томъ засмѣявшись громко, прокричали и сами кукушичьимъ голосомъ въ похвалу ей разъ съ десять. Слышалъ ли ты, сказала кукушка соловью, какъ усладила я сихъ господъ слушателей? Я думаю, что едва ли не предпочитаютъ они пѣсни мои твоимъ.

После сего пришелъ Даметъ съ своей красавицей.

Кукушка закуковала; но они не удостоили ее своего вниманія. По томъ возпѣлъ поразительнымъ тономъ съ тихимъ согласіемъ соловей, и они почувствовали надъ собою власть его пѣсенъ. Даметъ остановился, а Филлида сѣла и слушала со вниманіемъ его пѣсни. Нѣжная ея кровь возкипѣла, и приятныя слезы по-

лилися изъ глазъ ея. О пустомеля! сказалъ кукушкѣ соловей; познай изъ сего, чѣмъ разумные пѣнïе награждаютъ. Пролитïе безмолвной слезы принесетъ мнѣ гораздо болѣе чести, нежели ободритъ тебя пустая похвала.

LIII. Человѣколюбивый другъ.

Сколь благополучно живетъ тотъ человѣкъ, которой познаетъ свои должности и горитъ человѣколюбивымъ желанïемъ исполнять оныя! и хотя его никакое обязательство къ услугамъ не принуждаетъ, но онъ находитъ обязательство, повиновенïе и принужденïе къ тому въ своемъ сердцѣ; онъ почитаетъ благополучïе другихъ собственнымъ своимъ блаженствомъ, и сожалѣетъ объ нуждѣ другаго такъ, какъ о собственномъ своемъ несчастïи. Все, что имъ ни обладаетъ, есть только усердное желанïе видѣть весь свѣтъ въ такомъ же благополучïи, какого онъ себѣ желаетъ. Когда щедрая его рука доставляетъ тебѣ счастïе и спокойствïе, то сïе непринужденная въ немъ склонность, побужденная силою слезъ твоихъ: онъ видитъ, что ты того достоинъ, и что въ состоянïи онъ тебѣ помочь, то надѣлитъ онъ тебя щедрѣе, нежели ты надѣялся. Не съ тѣмъ награждаетъ онъ тебя, чтобъ ты ему раболѣпствовалъ, чтобъ нарушилъ изъ

благодарности къ нему совѣсть, и предавши себя за милость его ему вѣчно, думалъ и разсуждалъ по его желанію. Онъ не вспомоществуетъ тебѣ изъ одной только слабости, дабы погруженнаго его въ сластолюбіе не устрашала бѣдность, и чтобъ коль наипаче оказалъ онъ благодѣяніе свое тебѣ за то, чтобъ послѣ онымъ безпрестанно попрекать тебя. Не для того возстановляетъ онъ щедротами своими твое благополучіе и принимаетъ тебя въ свое покровительство, чтобъ онъ безумолкно твердилъ: я возвелъ его изъ бѣдности до великаго счастія, я возхотѣлъ сдѣлать его великимъ, и онъ великимъ сдѣлался. Нѣтъ; когда человѣколюбивый другъ печется о твоемъ благоденствіи, то вѣрь, что не ожидаетъ онъ возмездія себѣ до гроба. Онъ еще на противъ того проситъ тебя скрывать его благодѣянія: Богъ и собственное сердце его суть любезнѣйшіе ему свидѣтели. Гордость и корыстолюбіе не управляютъ его благостынею. Что природа и здравой разумъ ему повелѣваютъ, и чего нужда твоя требуетъ, то и побуждаетъ его безъ славы и мзды къ изполненію истиннаго человѣколюбія. Никогда не почувствуетъ онъ въ себѣ слабости ускорить къ тебѣ на помощь; знатность его, друзья, чины и благоденствіе суть посредствія твоего счастія; но если онъ не можетъ

изполнить сего дѣломъ, то разумъ его и опыты послужатъ тебѣ совѣтомъ.

Онъ говоритъ самъ себѣ: Всевышняя десница одарила меня сверьхъ богатства и могущества, волею и разумомъ; послѣднія изъ сихъ дарованій употреблю я на то, чтобъ первыя дѣлая мнѣ пользу, были полезны и другимъ людямъ. Пользуетъ ли великое сокровище? и не можетъ ли оно, будучи безъ употребленія, сдѣлаться добычею праха и моимъ мученїемъ? Или мнѣ, такъ какъ безумному, оковать купно съ нимъ сердце и совѣсть, разумъ и удовольствїе? Сколь бѣденъ я сдѣлаюсь, ежели, будучи обладателемъ моего сокровища, стану остерегать его преизполненный безпокойствїя! Развѣ для того получилъ я наслѣдство моихъ предковъ, чтобъ умереть богатѣе ихъ? И ежели только сей плодъ богатства моего, чтобъ предавъ себя сребролюбїю, быть при всемъ изобилїи бѣднымъ и терпѣть нужду: то проклинаю я мое счастїе и богатство сїе называю бременемъ, котораго бъ съ радостїю желалъ лишиться. Тотъ, которой кормится трудами рукъ своихъ, и въ поту прилѣжанїя своего снѣдаетъ хлѣбъ свой, почтетъ себя спокойнѣе при послѣднемъ кускѣ и не промѣняетъ бѣдной своей жизни на величайшее мое таковое счастїе.

Я вижу, какъ расточаетъ Гаргиль великое свое богатство, въ столовой его горницѣ поставляется всегда двадцать блюдъ кушанья, вижу что столъ его всѣмъ открытъ, и безпрестанно новыя кушанья поставляемыя на столъ показываютъ, что предки не напрасно надѣлили его имѣнїемъ. Правда, что Гаргиль живетъ хорошо, и прїѣзжаетъ въ полночь! Какъ бы кто поздно къ нему ни прїѣхалъ, всегда угощенъ будетъ. Гаргиль запотчиваетъ тебя разными кушаньями, по томъ нападетъ на тебя съ стаканами и утопитъ тебя въ винѣ. Хотя уже голова твоя и закружится, однакожъ проситъ онъ тебя: пожалуй выкушай. Ты шатаешься; шатайся хорошенько, по тому что Гаргилю сїе прїятно. Онъ увидя тебя на другой день смѣется, для того что ты морщишь съ похмелья лобъ, и по прїязни его выходишь изъ дому боленъ. Вотъ какъ употребляетъ Гаргиль свое имѣнїе, и мотовство, коимъ онъ ево проживаетъ, именуетъ великодушїемъ; онъ думаетъ, что живетъ благоразумно, но вмѣсто того столь неумѣренно, что домъ его весь городъ къ роскоши побуждаетъ.

Пускай, говоритъ человѣколюбивый другъ, пускай воздвигаетъ Суффекъ зданїи и помышляетъ при жизни еще своей прославиться вѣчно великолѣпнымъ строенїемъ; но какую при-

несутъ ему похвалу высокія стѣны, когда потомки получивъ наслѣдство его предадутся въ немъ сластолюбію? Пускай опустошаетъ онъ кругомъ лѣса, и заводитъ богатые сады; но все сіе клонится къ великолѣпію, а не къ человѣческой пользѣ: онъ украшаетъ сады и домы свои картинами, истуканами и столбами; но слава сія не ему, а художникамъ принадлежать будетъ. Я не хочу тратить моего имѣнія, которымъ счастіе меня надѣлило, чтобъ украсить свѣтящимися вещьми порядочно убранной мой покой; онъ довольно способенъ къ содержанію меня и принятію моего друга, которой охотно меня въ немъ посѣтитъ и имъ не возгнушается. Гостямъ и друзьямъ всегда мой столъ открытъ; и ежели здоровая моя пища усладитъ вкусъ ихъ, то для чего гоняться мнѣ за изобиліемъ произрастающимъ въ поляхъ, лѣсахъ и моряхъ, и отягощающимъ столъ и собственное мое здоровье? Когда разумной другъ насытитъ меня при небогатой моей пищѣ остроумными своими разговорами, такъ я довольно сытъ, и не помѣняюсь столомъ моимъ съ тѣмъ, которой при великомъ множествѣ блюдъ жалуется, что на ѣду его не позываетъ.

Свѣтъ довольно имѣетъ способовъ къ моему благополучію. Въ чемъ не имѣю я нужды самъ, то должно предоставить ему; ибо тво-

рецЪ не токмо для сущихЪ насЪ создалЪ богатства мїра сего, но и для тѣхЪ, кои впредь родиться будутЪ. Что многїя богобоязливыя и искреннїя сердца претерпѣваютЪ недостатокЪ, и удрученные лѣтами старики умираютЪ отЪ бѣдности, такЪ какЪ младенцы; что многїе стенаютЪ отцы не возмогши со всею ихЪ прилѣжностїю и неусыпными трудами накормить до сыта дѣтей своихЪ: такЪ развѣ натура сему причиною? Развѣ не довольно богато она надѣляетЪ? НикакЪ; но мотовство, спѣсь, скупость, хитрость, корыстолюбїе и обманы довели свѣтЪ до бѣдности. Окаменѣлое сердце злаго человѣка можетЪ вспомоществовать, но сдѣлать сего не хочетЪ. ФилетЪ стенаетЪ еще вЪ бѣдности и печали. А для чего? По тому что не обрѣтаетЪ онЪ по сихЪ порЪ Самарянина. ОнЪ страдаетЪ безвинно, и давно бы уже утѣшился, если бы не былЪ нечувствителенЪ и скупЪ кЪ сострадангїю.

ТакЪ разсуждаетЪ человѣколюбивый другЪ; но онЪ не токмо что разсуждаетЪ, да и самымЪ дѣломЪ исполняетЪ. ОнЪ расточаетЪ сЪ благоразумїемЪ свое имѣнїе, и радуется, что умножаетЪ онЪ число довольныхЪ, и уменьшаетЪ бѣдныхЪ; хотябЪ давно уже его и на свѣтѣ не было, но бѣдность не такЪ скоро еще послѣ его разпространится. ОнЪ вспомоществу-

етъ наукамъ, по тому что охраняя ихъ, подкрѣпляетъ истинну, возстановляетъ добродѣтель и сопротивляется величайшему супостату и сыну тьмы суевѣрїю, которое прогнѣвляетъ Творца и ненавидитъ сїи науки. Человѣкъ, котораго одарило естество щедрѣе духомъ, нежели счастїемъ, заслуживаетъ друга сего почтенїе, и онъ старается возвысить его примѣрами, разумомъ, великодушїемъ, помощїю и попеченїемъ, и желаетъ сдѣлать его разумнымъ, благороднымъ, чистосердечнымъ, великодушнымъ и счастливымъ. Можетъ ли что сего быть благороднѣе, когда желая онъ служить для общей пользы возпитываетъ не отъ своей крови рожденное дитя? Отецъ даровалъ ему только жизнь, но онъ обучилъ его наукамъ и поведенїю; ктожъ для него болѣе добра сдѣлалъ?

Онъ опредѣляетъ въ цѣлой годъ извѣстное число денегъ. Для кого? можетъ быть для льстецовъ и объѣдалъ, можетъ быть награждаетъ онъ ими стихотворцовъ за похвальные лавровые вѣнцы? О нѣтъ! стыдись такъ объ немъ помышлять; онъ строитъ домы вдовицамъ, призираетъ бѣдныхъ сиротъ, и почитаетъ себя тогда счастливымъ, когда они щедростїю его сдѣлаются способны къ общественной пользѣ. Да будетъ, говоритъ онъ, сѣмя сїе, по смерти моей похвалою мнѣ и напоминовенїемъ.

Какъ ростовщикъ считаетъ по прошествіи года, колико ростъ приумножилъ его имѣніе: подобнымъ сему образомъ считаетъ человѣколюбивый другъ каждой день приращеніе своего благодѣянія и плоды трудовъ его. Онъ смѣется суетной пышности, для которой разточая Марулль свое имѣніе, содержитъ множество безполезно предстоящихъ ему слугъ, которые какъ ему самому, такъ и лошадямъ его въ праздности и нечистотѣ подобны; но человѣколюбивый другъ желалъ бы сими деньгами изъ любви къ человѣчеству и святымъ должностямъ обрадовать великодушно въ бѣдности стенящаго и возстановить божественно рыдающаго на одрѣ. Одной только покорной области недостаетъ ему, чтобъ сдѣлаться владѣтелемъ. Соберитесь народы и вручите ему скипетръ. Онъ будетъ столь же премудро какъ Антонинъ, столь кротко какъ Траянъ и столь великодушно какъ Августъ управлять своимъ царствіемъ. Онъ почитаетъ, что благополучіе и народъ не для одного его созданы, но что онъ для услугъ всѣмъ созданъ отъ Бога, и онъ желаетъ Творцу своему, такъ какъ по его образу сотворенный, уподобиться истиннымъ величествомъ, кое ищетъ онъ въ любви и въ ней находитъ оное. Никакая неблагодарность не отвращаетъ его отъ оказанія тебѣ сугубыхъ услугъ. Изпытай сіе, сдѣлайся

его врагомЪ, и ты скоро онымЪ быть перестанешь. Благодѣянія его ослабятЪ тотчасЪ ненависть твою и гоненіе; и великодушіемЪ отмститЪ онЪ тебѣ за твои утѣсненія.

Гдѣ же плоды всей его добродѣтели? О другЪ мой, не такЪ скоро сомнѣвайся о пользѣ происходящей отЪ его щедрости. ЗемледѣлецЪ удобривЪ вЪ осеннее время свою пашню, засѣваетЪ ее сохраненными кЪ сему зернами, и хотя не видитЪ онЪ отЪ того вдругЪ плода, хотя посѣянный его хлѣбЪ покрывается землею и снѣгомЪ, однакожЪ онЪ не отчаевается; когдажЪ наступитЪ весна, то пашня его предвѣститЪ ему вЪ лѣто богатую жатву, озимь его позеленѣетЪ, сѣмя начнетЪ цвѣсти и зеленые стебельки, сколь малы они сперва ни казались, размножатся и сдѣлаются твердыми стеблями; и тогда принесетЪ каждое зерно вЪ полныхЪ колосьяхЪ столько плода, что ты нѣсколько дней питаться можешь. ТакимЪ же образомЪ и плодЪ благодѣянію не мгновенно приобрѣтается. Положи теперь основаніе кЪ благополучію сироты. Сіе кажется не великое дѣло, и что пользы вЪ томЪ, когда призирая одного, видишь ты, что тысячи таковыхЪ оплакиваютЪ свое несчастіе? Но подожди малое время, пока сирота сей возмужаетЪ и придетЪ вЪ состояніе вспомоществовать разумомЪ, искуствомЪ и имѣніемЪ. ОнЪ будетЪ по-

могать, услуживать и стараться изправлять и умножить столько же другаго благополучіе, сколь умножено его собственное. Такимъ образомъ произведетъ счастіе одного многихъ домовъ спасеніе, а домы сіи споспѣшествуютъ благополучію цѣлыхъ областей; и такъ руководство перваго, чрезъ благополучіе другаго будетъ еще и по смерти его свѣту полезно.

О еслибъ человѣкъ сдѣлался покровителемъ человѣковъ, то бы многія горести имъ неизвѣстны были! и еслибъ сердце каждаго наполнилось духа человѣколюбія, тогдабъ и склонность къ ненависти и зависти въ насъ не раждалась. Богъ сотворилъ насъ въ свѣтъ съ тѣмъ, чтобъ мы какъ члены въ немъ одинъ другому помогали. Но мы пребывая въ семъ нечувствительны, разрываемъ сей союзъ и устрояемъ счастіе наше на погибели другаго.

Ты имѣешь разумъ и искреннее сердце, но ежели въ семъ со мною не согласуешся, то почувствуешь надъ собою власть слѣпаго усердія, которое только по наружности есть свято, но дѣлами своими предъ Богомъ порочно. И коль скоро изъ любви къ Богу оному повинуешься, то возненавидя и притѣсняя тебя выгонютъ отъ себя со злобою подъ видомъ святости, и будутъ стараться опустошеніемъ и варварскимъ мученіемъ обратить тебя въ Христіянство. Развѣ нѣтъ еще у насъ такихъ

владѣнїй, кои почитая себя правовѣрнѣйшими предъ Богомъ стараются непозволительнымъ образомъ, проливая нещадно кровь, умножать число Христїанъ и истреблять еретиковъ, кои иногда гораздо блаженнѣе православныхъ мучителей ихъ умираютъ.

Такъ то ненавистно ввергаетъ человѣкъ подобнаго себѣ въ жестокое несчастїе, и съ какимъ великодушїемъ усердствуетъ онъ своему ближнему! Придите блаженныя времена, возвратитесь златые вѣки древности, въ которыхъ истинна, вѣрность, правосудїе и человѣколюбїе обитали!

Конецъ второй и послѣдней части басенъ и сказокъ.

ОГЛА-

ОГЛАВЛЕНІЕ
БАСНЯМЪ и СКАЗКАМЪ.

I. Двѣ ласточки.

II. Несчастіе женъ.

III. Умирающій отецъ.

IV. Молодой молотильщикъ.

V. Счастливое супружество.

VI. Два сторожа.

VII. Цуковая лошадь.

VIII. Муха.

IX. Бѣдный старикъ.

X. Каллиста.

XI. Обезьяна.

XII. Земледѣлецъ и сынъ его.

XIII. Счастливый стихотворецъ.

XIV. Уродъ.

XV. Утка.

XVI. Тилль.

XVII. Клеантъ.

XVIII. Ростовщикъ.

XIX. Смерть мухи и комара.

XX. Аминтъ.

XXI. Иродъ и Иродїада.

XXII. Деистъ.

XXIII. Завѣщанїе.

XXIV. Благодѣянїе.

XXV. Безмѣстной.

XXVI. Лукавыя дѣвушки.

XXVII. Епиктетъ.

XXVIII. Ельпинъ.

XXIX. Госпиталь.

XXX. Печальной вдовецъ.

XXXI. Татарскїй князь.

XXXII. Молодой Принцъ.

XXXIII. Новобрачные.

XXXIV. Юноша.

XXXV. Ерастъ.

XXXVI. Лошадь и оселъ.

XXXVII. Котиллъ.

XXXVIII. Неустрашимое намѣренїе.

XXXIX. Молодой ученой.

XL. Молодая дѣвушка.

XLI. Два мальчика.

XLII. Крестьяне и прикащикъ.

XLIII. Женихъ.

XLIV. Емиль.

XLV. Мальчикъ.

XLVI. Лгунъ.

XLVII. Женщина и духъ.

XLVIII. Филинда.

XLIX. Альцестъ.

L. Чудный сонъ.

LI. Полигисторъ.

LII. Соловей и кукушка.

LIII. Человѣколюбивый другъ.